

ЭШЛИ УИВЕР

СТРАННАЯ
МЕСТЬ

чай, кофе
и убийства

Эшли Уивер
Странная месть
Серия «Чай, кофе и убийства»
Серия «Эймори Эймс», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28719167
Странная месть : [роман] / Эшли Уивер ; [пер. с англ. Н. В. Рейн]. : АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-104344-5

Аннотация

Семь лет назад в имении Лайонсгейт был найден мертвым «светский лев» Эдвин Грин. Тогда полиция сочла эту смерть несчастным случаем. А теперь в поместье собираются те же гости, что находились здесь в день трагедии, – и к ним присоединяются Эймори Эймс и ее муж Майло.

Майло в шутку предлагает Эймори заняться расследованием давнего преступления, даже не подозревая, что его невольное предсказание очень скоро сбудется.

Потому что расследовать убийство Эймори все-таки придется, и не одно, а два: прибывшую гостью, скандальную писательницу Изабель Ван Аллен, на следующий же после приезда день находят заколотой.

У многих были причины не любить ее, но кто из уважаемых гостей мог решиться на подобный шаг?

И связаны ли между собой два убийства?

Возможно, это преступник, который семь лет назад избавился от Эдварда Грина, нанес новый удар?..

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	37
Глава 4	50
Глава 5	68
Глава 6	82
Глава 7	94
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Эшли Уивер

Странная месть

*Посвящается Элисон Додсон, моей кузине,
лучшему другу и самому преданному читателю*

Серия «Чай, кофе и убийства»

Ashley Weaver

A MOST NOVEL REVENGE

Перевод с английского *Н.В. Рейн*

Печатается с разрешения литературных агентств Tarun Fagerness Agency и Synopsis Literary Agency.

© Ashley Weaver, 2016

© Перевод. Н.В. Рейн, наследники, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Глава 1

Англия, февраль 1933 года

– Ну, дорогая, как думаешь, кто умрет на этот раз?

Этот неожиданный и крайне неуместный вопрос задал мне муж, который по-прежнему не отрывал глаз от извилистой окаймленной сугробами дороги, пока мы ясным солнечным днем ехали по ней и шурились от слепящего блеска недавно выпавшего снега.

– Майло! Что за ужасные вещи ты говоришь!

Но он, как обычно, и бровью не повел, и никакого раскаяния не проявил.

– Но ведь не станешь же ты отрицать, что на протяжении всего прошлого года люди взяли в привычку умирать, оказавшись в твоей компании.

Тут он был прав, хотя мне самой отчаянно не хотелось это признавать. На протяжении последних нескольких месяцев я оказалась вовлеченной в расследование двух убийств, и в обоих случаях дело закончилось тем, что я противостояла убийцам под дулом пистолета.

Более того, я вовсе не была уверена, что нынешняя наша вылазка за город обойдется без инцидентов. Судя по тому,

как началось это наше путешествие, я предчувствовала, что в дальнейшем нас ждут нешуточные неприятности.

Все началось два дня тому назад, после того как нам доставили утреннюю почту. Я сразу же узнала фиолетовый конверт и корявый почерк, которым был нацарапан адрес. Письмо от моей кузины Лаурель.

Я вскрыла конверт и извлекла написанное той же рукой послание, содержание которого показалось загадочным и непонятным.

Не хотела посылать телеграмму, она привлекла бы нежелательное внимание, но поверь – дело не терпит отлагательств. Ты должна немедленно приехать в Лайонсгейт. А вот зачем – не скажу. Возможно, это сработает как приманка.

Ниже было приписано еще более коряво и торопливо:

Не сочти это за просьбу легкомысленной особы. Дело важное и срочное. Ты должна приехать немедленно.

Лаурель.

P.S. И можешь захватить с собой Майло, если хочешь.

В самом по себе письме не было ничего необычного. Лаурель имела склонность драматизировать события, эта ее черта часто проявлялась и в корреспонденции. Однако нельзя сказать, что послание меня заинтриговало. Я не представ-

ляла ни одной мало-мальски стоящей причины, по которой снова должна ехать в Лайонсгейт. Особенно после того, что там произошло.

Семь лет тому назад, когда Лаурель гостила в имении, ей довелось стать свидетельницей трагического происшествия – результата почти недельной пирушки и неумеренных возлияний. И это вызвало в обществе скандал, до глубины души потрясший всю страну, в том числе и мою кузину Лаурель.

Короче говоря, письмо все же достигло своей цели. И вот мы с мужем мчались по направлению к Шропширу на головокругооборотной скорости в новеньком автомобиле Майло «Астон Мартин Ле-Ман»¹.

Этот сверкающий черным лаком автомобиль был подарком, который Майло сделал сам себе к Рождеству. И муж настоял, чтобы мы поехали именно на нем. Думаю, Макхэм, наш шофер, был немало расстроен: очень уж ему не терпелось сесть за руль этой шикарной машины. Лично я считала, что Макхэму беспокоиться не о чем, поскольку упоительное чувство новизны от вождения у Майло скоро наверняка иссякнет.

К счастью, пока он был просто без ума от машины, его пленяла перспектива испытать ее на свободных загородных дорогах – только поэтому он и согласился на путешествие. А ведь поначалу ему вовсе не хотелось ехать в Лайонсгейт. Он

¹ «Астон Мартин Ле-Ман» – британский спортивный автомобиль, выпускавшийся в 1932–1934 гг. – *Здесь и далее примеч. пер.*

желал провести зиму в Италии, и я понимала, что этот уик-энд станет скудной заменой его намерению сразу по нескольким причинам.

– Ума не приложу, почему я согласился с тобой поехать, – сказал Майло, словно прочитав мои мысли. – У меня нет ни малейшего желания проторчать целую неделю в продуваемом всеми сквозняками загородном доме в обществе нагоняющих тоску неинтересных людей.

Мой муж не принадлежал к числу тех мужчин, которые любят провести тихий уик-энд за городом. Он питал пристрастие к бесконечным вылазкам в свет и общению – качество, которое едва не разрушило наш брак не далее как в прошлом году. Но затем мы помирились, и я, затаив дыхание, ждала, когда он станет на путь исправления. Пока он меня не разочаровывал.

– Уверена, мы вернемся в Лондон еще до конца этой недели, – поспешила я его утешить. – Нет никаких причин полагать, что там произошло что-то серьезное. Ты же знаешь Лаурель.

– Знаю, – бросил он в ответ. – Однако понять не могу, почему ты потакаешь всем ее дурацким прихотям.

Видимо, его задело не слишком настойчивое приглашение в постскриптуме, что было весьма характерно для взаимоотношений: Майло и Лаурель всегда недолюбливали друг друга. Хотя открыто этой неприязни не выказывали и старались общаться в рамках приличий, пусть это и не всегда

удавалось.

– Но согласишься, все же это любопытно, – заметила я. – И что, скажи мне на милость, заставило ее вернуться в Лайонсгейт?

– С тех пор вроде бы шесть лет прошло, правильно? Уверен, неприятные воспоминания выветрились.

– Семь лет. И судя по тому, как она тогда рассуждала о тех событиях, я была уверена – ноги ее больше в Шропшире не будет.

– Если она не горит желанием находиться там, с какой стати мы должны? Ты знакома с Реджинальдом Лайонсом?

– Нет. – Я не была знакома с этим человеком, хозяином дома, но наслышана о нем. Вообще-то почти всем жителям нашей страны была знакома эта фамилия, Лайонс, – в основном благодаря истории, случившейся в его загородном поместье Лайонсгейт в тот роковой уик-энд 1925 года.

Лаурель оказалась там по чистой случайности. Нельзя сказать, чтобы она вела слишком уж светский образ жизни, но дружила с Реджи Лайонсом и его сестрой Беатрис чуть ли не с раннего детства. Их отец и его молодая жена умерли от гриппа, когда сам он находился во Франции. И по возвращении оттуда Реджи унаследовал имение, а опекать его принялись сестры. Думаю, для моей кузины приглашение провести уик-энд в Лайонсгейте стало настоящим событием, ведь в ту пору дом Реджи превратился в неофициальную штаб-квартиру, где собиралась золотая молодежь Англии – это после

того, как Реджи влюбился в женщину по имени Изабель Ван Аллен.

Неоспоримый лидер этой компании, Изабель Ван Аллен, считалась в ту пору личностью почти легендарной. Женщина, чье прошлое было весьма туманно и загадочно, ворвалась и утвердилась в фешенебельном обществе благодаря победительной комбинации трех факторов: своей потрясающей красоте, острому уму и поистине железной силе воли. Ко времени, когда Изабель вошла в жизнь Реджи Лайонса, она была старше на несколько лет всех остальных в его компании и обладала шармом, перед которым не мог устоять практически никто.

У нее было множество преданных друзей и поклонников, и когда Реджи Лайонс стал ее любовником, она познакомила его с ними. И его имение, Лайонсгейт, стало местом проведения шикарных вечеринок, слухи о которых отрывочно просачивались в прессу. Там даже появлялись фотографии неких диковинных игрищ, ходили слухи об употреблении наркотиков и других запрещенных выходках. То, разумеется, была не единственная в Англии группа богатых молодых людей, которые в послевоенные годы с головой окунулись в разного рода увеселения, но трагедия в Лайонсгейт сделала их печально известными.

Поначалу ничто не говорило о том, что этот уик-энд будет чем-то отличаться от остальных, но по окончании его один молодой человек был найден мертвым, что оставило неиз-

гладимый отпечаток на жизнях остальных участников.

Майло совершил слишком резкий поворот, и это вернуло меня к реальности.

– Лично мне не хотелось бы закончить свои дни в канаве, если, конечно, тебе не все равно, – весело заметила я.

– Ну, конечно, не все равно. Чертовски не хотелось бы подвергать такую машину риску.

– Ты меня успокоил.

Он с улыбкой покосился на меня:

– Ну и тебя тоже, дорогая.

– Все же должна быть какая-то причина, по которой Лаурель попросила меня так срочно приехать, – заметила я, по-прежнему занятая своими мыслями. – Думаю, это имеет какое-то отношение к смерти Эдвина Грина.

Сведения о том, что именно произошло той ночью в имении Лайонсгейт, были путаными и противоречивыми. Неоспоримым оставался один факт: холодным пасмурным утром после ночи пьяных увеселений в саду было найдено тело Эдвина Грина. Он лежал практически голый на мерзлой земле на полпути между летним домиком и особняком.

Согласно заключению экспертизы, смерть наступила от остановки сердца, что было вызвано гипотермией и смертельным коктейлем из спиртных напитков и наркотиков, остатки которых были разбросаны в летнем домике.

И все бы это вполне могло сойти за несчастный случай, трагические последствия распутного и бездумного образа

жизни, если бы не Изабель Ван Аллен. Пока все остальные старались хранить молчание, она заговорила открыто и прямо с прессой, раздавала интервью направо и налево, всячески намекая, что за этой трагедией, свидетельницей которой ей довелось стать, стоит нечто большее.

Она всегда испытывала тягу к сенсациям, к тому же обладала даром слова, и использовала оба эти качества в своих интересах. Через полгода после смерти Эдвина Грина она издала роман под названием «Жертва зимы». Эту книгу можно было бы расценить как чистой воды выдумку, но все знали правду и сразу смекнули, что речь в романе идет о том, что случилось в Лайонсгейте.

Все герои были описаны с необыкновенным тщанием, хотя имена, конечно, изменены, все их пороки и тайны, ставшие достоянием общественности, обрисованы цветисто и со вкусом.

Но скандал вызвала даже не сама эта книга. Скандал вызвал тот факт, что в ней писательница излагала версию, отличную от официальной, выдвинутой коронером, который вел расследование, и утверждала, что скончался Эдвин Грин вовсе не от передозировки и гипотермии. Нет, вместо этого она утверждала, что то было убийство, что Грин стал жертвой молодого человека по имени Брэдфорд Гленн, который был его соперником в борьбе за внимание Беатрис Лайонс. Брэдфорд, как было написано в книге, воспользовался беспомощным состоянием Эдвина Грина и вытолкнул его в мо-

роз на улицу, где несчастный и скончался.

И, разумеется, не было предпринято никаких легальных мер. Ведь доказательств не существовало. Но мистера Глена, тем не менее, опозорили и изгнали из общества.

Что же касается самой Изабель Ван Аллен, то издание этой книги возымело совсем не тот эффект, на который она рассчитывала. Да, она заработала на ней довольно много денег, но была подвергнута остракизму. От нее отворачивались все, кто втайне упивался чтением этого романа, зато на людях называли его самой вульгарной и низменной эксплуатацией чужих несчастий. Дело закончилось тем, что она уехала в Кению. Это последнее, что я о ней слышала.

Реджи Лайонс запер свое поместье и уехал жить за границу. Вскоре после этого Беатрис Лайонс вышла замуж, а младшую из сестер Лайонс отправили в частную школу-пансион.

Тогда Лаурель была страшно огорчена случившимся, но постепенно все мы стали забывать об этом событии. Слишком уж малоприятным оно было, чтобы о нем помнить.

Так что же заставило семью Лайонс вернуться в Лайонсгейт? И почему Лаурель оказалась там? И зачем я так срочно ей понадобилась? Мне хотелось думать, что все это продиктовано всего лишь не в меру разыгравшимся воображением моей кузины, но внутренний голос подсказывал: не все так просто, за этим стоит нечто большее.

– Наверняка будет любопытно увидеть сцену столь скандальных событий, – заметила я.

– А я-то думал, нам не нравятся скандалы, – ответил Майло.

У нас с мужем в прошлом тоже случались ссоры, и хотя в последнее время он вел себя практически безупречно, с самого начала нашей женитьбы до меня не раз доходили слухи о его неблагоразумных поступках.

– Нам не нравятся скандалы личного характера, – поправила его я. – Но смерть Эдвина Грина не имела к нам прямого отношения.

– Это пока.

Тут он тоже оказался прав. А мне страшно не нравилось, когда он оказывался прав.

Мы добрались до Лайонсгейта в начале дня. На подъезде к имению не было видно никаких запретительных знаков, и среди вставших стеной деревьев, окаймлявших дорогу, вдруг возникли ворота. Майло притормозил и въехал на стоянку, оборудованную у входа. Я облегченно выдохнула – мы добрались до места назначения целыми и невредимыми. Уж больно шустрой оказалась эта наша новая машина.

Перед нами высились железные ворота, охраняемые двумя огромными каменными львами на массивных постаментах – пасти широко раскрыты, зубы ощерены, то ли в грозном рыке, то ли в агрессивном зевке.

– Слишком прямолинейно, на мой взгляд, но в целом впечатляет, – заметил Майло.

Я не могла с ним не согласиться. Некогда эта скульптурная группа, наверное, действительно впечатляла. Теперь же решетку изгороди густо обвивали оголенные стебли плюща – того и гляди задушат этих усталых несчастных зверей, и смотреть на них было немного грустно. Я знала, что семья Лайонс не проживала в имении на протяжении нескольких лет, и, видимо, в их отсутствие никто не содержал его в должном порядке.

Ворота были распахнуты настежь, от них тянулась длинная дорога. Мы въехали и вскоре увидели сквозь кроны деревьев очертания дома. Солнце отбрасывало яркие лучи на стены из бледного камня. Дом выглядел внушительно, отличался несколько мрачноватой красотой, и одновременно в нем присутствовало нечто призрачное. Возможно, последнее было лишь плодом моего воображения с учетом того, что я знала об истории этого поместья, но мне в тот момент оно показалось каким-то заброшенным.

Бросив взгляд на восток, в направлении деревни, я различила в отдалении озеро и некое строение – то, несомненно, был летний домик, где провел свою последнюю в жизни ночь Эдвин Грин. Он выглядел очень мирно и тихо этим ясным и солнечным зимним днем.

Мы остановились перед домом, Майло вышел и распахнул передо мной дверцу. Я вышла из машины и ступила на дорожку из гравия, что вела к величественному каменному фасаду. Нельзя сказать, что это здание выглядело приветливо

и гостеприимно. Построено оно было в стиле Тюдор, и если я правильно помнила историю английских усадеб, главная часть дома датировалась именно этой эпохой, а крылья были пристроены к нему позже, для последующих поколений.

С первого взгляда становилось ясно, что имение запущено, и, несмотря на то что недавно произвели кое-какие работы с целью его обновления, дух запустения все равно ощущался. Камни в пятнах и выщерблинах были заметны даже сквозь стебли непомерно разросшегося плюща. Стекла эркеров на нижних этажах были отмыты до зеркального блеска и весело сверкали в лучах солнца, но окна верхних этажей казались мутными от пыли.

В этот момент налетел порыв ледяного ветра, и я, содрогнувшись, подумала, что в этом доме, наверно, страшно холодно.

А затем услышала шаги за спиной. Мы обернулись и увидели, как из-за угла дома показалась женщина, ведущая под уздцы лошадь. Вернее, не женщина, а хорошенькая девушка с медового цвета волосами, сияющими в солнечных лучах. Молоденькая, лет двадцати двух или трех, – я догадалась, что это, должно быть, младшая сестра Лайонсов.

Солнце слепило ей глаза, но затем она ступила в тень здания, увидела нас и стала подходить ближе.

– Показалось, я слышала машину, – сказала девушка. Тут она разглядела Майло, остановилась и покраснела немного. – О... Здравствуйте.

Она смотрела на него снизу вверх, точно замороженная. Должна признаться, порой я просто забываю, какой красавец мой Майло, и вспоминаю об этом, только когда ловлю устремленные на него восхищенные женские взгляды. Волосы у него черные, как смоль, глаза ярко-синие, он невероятно хорош собой и всегда производит самое благоприятное внешнее впечатление. Все это в сочетании с обаянием и победительной манерой держаться объясняет, почему мой муж пользуется таким успехом у дам.

– День добрый, – ответил Майло. Я была благодарна ему за то, что, похоже, его куда больше заинтересовала лошадь, нежели эта хорошенькая молодая девушка.

– Я Люсинда Лайонс, – сообщила она. – Для друзей просто Линди. – Говоря все это, она улыбалась и кокетливо хлопала ресницами.

– Как поживаете, мисс Лайонс? Позвольте представиться, я Майло Эймс, а это моя жена Эймори.

Тут она впервые взглянула на меня, словно только что заметила мое присутствие.

– Как поживаете? – спросила я, с трудом сдерживая улыбку. Уже не в первый раз Майло становился объектом внимания всех женщин, находящихся поблизости.

– Вы ведь кузина Лаурель, верно? – тут же отозвалась она и стала сама деликатность. – Я так много о вас слышала. И очень рада познакомиться!

– Я тоже рада. Очень любезно со стороны вашего брата,

что он пригласил нас. Дом у вас такой красивый, – обернувшись, добавила я.

– А мне так совсем не нравится, – заметила Люсинда без особых, впрочем, эмоций.

Ее жеребец нетерпеливо фыркал и перебирал копытами. Она повернулась и принялась его успокаивать:

– Ну, тихо, тихо, Ромео. Неприлично так себя вести перед гостями.

– Прекрасное животное, – заметил Майло. Шагнул вперед и дотронулся до блестящей каштанового цвета шкуры. Майло любил лошадей. Подозреваю, то была одна из причин, по которой он согласился поехать, не считая того, что ему еще выпала возможность чуть не до смерти пугать меня резкими поворотами на дороге. Он с самого начала подозревал, что, вернувшись, Реджинальд Лайонс тут же примется восстанавливать конюшни в Лайонсгейте. Майло хотелось убедиться, что его лошади самые лучшие на свете.

– А вот и Хенсон, – сказала Люсинда, когда отворилась дверь и на крыльцо под портиком вышел дворецкий. – Прибыли мистер и миссис Эймс, – объявила она.

– Очень хорошо, мисс Лайонс.

Она снова обернулась к нам:

– Хенсон вас проводит. А мне надо отвести Ромео в конюшню. Страшно рада была встретить вас.

Она по-прежнему не сводила глаз с Майло и с трудом отвела взгляд перед тем, как заняться лошадыю.

– Очаровательная молодая особа, – заметил Майло, когда мы направились к дверям.

– Наверняка ты сказал это лишь потому, что она явно на тебя запала.

– Да ведь она почти ребенок.

– «Почти ребенок» и «ребенок» – две совершенно разные вещи, – сухо заметила я.

Хенсон провел нас в дом, и секунду спустя навстречу нам в холл вышел Реджинальд Лайонс. Он не вполне соответствовал описанию, которое, насколько помнится, давала ему Лаурель. Лицо красивое, с ярким румянцем, ростом высок, телосложение плотное. В своем твидовом костюме и охотничьих сапогах он больше походил на какого-нибудь сельского сквайра.

И еще я не заметила ни малейшего сходства между ним и сестрой, возможно, еще и потому, что он был лет на десять-двенадцать старше ее. Если я не путаю, матери у Реджи с Беатрис и у Люсинды были разные. У Реджи такие же светлые волосы, как и у нее, но глаза темные, а не голубые. И еще было в его внешности некое несоответствие – за всем этим цветущим фасадом крылась безмерная усталость.

– Добро пожаловать в Лайонсгейт, мистер и миссис Эймс, – самым сердечным тоном произнес он.

– Спасибо, что пригласили нас, мистер Лайонс. Дом у вас просто чудесный.

– Благодарю вас, благодарю. Наверное, вы ждете не дожде-

тесь встречи с Лаурель, но она поехала кататься на лошади. Скоро должна вернуться.

– Ваша сестра Люсинда уже вернулась, – сказала я ему. – Просто очаровательная девушка.

– А я любовался ее лошадьё, – вставил Майло. – Превосходное сильное животное.

Тут какая-то тень пробежала по лицу мистера Лайонса, и вместо ответа он просто кивнул. А затем добавил:

– Спасибо. Я увлекаюсь лошадьми. Могу чуть позже показать вам конюшни, если есть такое желание.

– О, я был бы страшно рад.

– Но, наверное, сначала вам надо показать ваши комнаты...

Не успел он договорить, как на лестнице у него за спиной возникло какое-то движение.

Навстречу нам в холл спускалась высокая темноволосая невероятно красивая женщина. Я не встречалась с ней прежде, но сразу же поняла, кто она такая.

Изабель Ван Аллен собственной персоной.

Глава 2

Я была очень удивлена видеть ее здесь, особенно после всех тех событий, которые мы обсуждали сегодня утром. И представить себе не могла, что она здесь делает, вместо того чтобы покорять просторы Кении.

Если сравнивать со снимками светских фотографов, которые я хорошо помнила, она ничуть не постарела с тех пор, разве что кожа стала немного напряженно натянута вокруг глаз. Гордая, почти царственная осанка, безупречная кожа не тронута жгучими лучами африканского солнца. Ростом она в своих туфлях на каблуках была почти с Майло, а стройная фигура словно специально предназначалась для одежды по последней французской моде, которая сейчас была на ней. В воздухе начал витать запах дорогих духов, по мере того как она приближалась к нам.

– Миссис Эймс, не так ли? Очень рада видеть вас здесь.

Странно, подумала я, что эти слова произнесла женщина, не являющаяся хозяйкой дома. Но, возможно, она просто разыгрывала из себя хозяйку. Ведь некогда они с Реджи Лайонсом были любовниками. И насколько я поняла, после того ужасного происшествия расстались они не самым дружеским образом. Впрочем, то был не первый случай, когда угасшее было пламя любви могло разгореться снова. У меня не было времени как следует поразмыслить над этим, по-

сколькy красавица подошла к моему мужу.

И окинула его одобрительным взглядом.

– Привет, Майло, – произнесла она с томной улыбкой. – Я с удовольствием бы сказала, что ты нисколько не изменился, но это было бы неправдой. Ты стал еще красивее. Твой возраст очень тебе идет. Лично я считаю, что лишь немногие мужчины хорошеют с возрастом и в тридцать лет становятся куда интереснее, чем в двадцать.

Она протянула ему руку, и Майло взял ее, пальцы с кроваво-красным маникюром сплелись с его пальцами.

– Привет, Изабель. Сколько лет, сколько зим.

Майло не выказывал ни малейшего смущения, впрочем, он никогда его не выказывает. А ведь я и не знала, что они знакомы. Нет, поистине, мой муж полон сюрпризов.

Она улыбнулась:

– Да. Лет девять или десять не виделись. Забавно все же, как жизнь снова сводит некогда знакомых людей, не так ли? И лично мне не терпится возобновить это знакомство.

Я призадумалась над тем, какие отношения связывали их в прошлом. Оба были невероятно красивы. Это понятно. По моим прикидкам, Майло было лет двадцать с небольшим, когда они встретились, а мисс Ван Аллен лет тридцать пять, но ходили слухи, что она всегда предпочитала мужчин помоложе. Да сам Реджи Лайонс был тогда лет на десять моложе ее.

– И я совершенно счастлива познакомиться с твоей оча-

ровательной женой. – Она повернулась ко мне, темные глаза окинули меня оценивающим, но нельзя сказать, что недружелюбным взглядом.

– Я так рада познакомиться с вами, миссис Эймс, – произнесла она.

– Я тоже очень рада, – отозвалась я, покривив душой.

– Ты женился на настоящей красавице, – сказала она Майло, не сводя с меня глаз. – Чего, разумеется, и следовало ожидать.

– Может, мистер и миссис Эймс желают посмотреть свои комнаты? – каким-то напряженным голосом проинтересовался Реджинальд Лайонс.

Проглядывалось что-то странное в его взаимоотношениях с мисс Ван Аллен, между этими двумя явно ощущалось некоторое напряжение. И дело не только в том, что его смущали ее довольно прямолинейные ремарки. Да и не в ревности тоже. В этот момент мне стало совершенно очевидно, что никакого возобновления романа не наблюдается. Что эта дама крайне ему несимпатична, но он изо всех сил старается это скрыть. Тогда зачем же он пригласил ее в Лайонсгейт? Нет, действительно, очень странно.

Нас с Майло служанка разместила в соседних комнатах, а потому у нас не было возможности обсудить встречу с Изабель Ван Аллен.

Я прошла в свою спальню, и моя горничная, Винельда,

уже успевшая перенести туда багаж, теперь занималась развешиванием моих нарядов в гардеробе. При виде меня она радостно заулыбалась, подошла и помогла снять пальто.

– О, здравствуйте, мадам. Как же я рада, что вы приехали. Этот дом, он кажется немного пугающим, верно? Такое чувство, будто меня заперли в волшебном замке, где прячутся великаны-людоеды и происходят страшные вещи. Мне все время как-то не по себе, особенно когда остаюсь одна.

Мне показалось, что обстановка здесь для Винельды самая подходящая. Уж очень напоминала она мне лесную фею – светловолосая, бледненькая и хрупкая, с широко распахнутыми глазами и платиновыми волосами. И двигалась она, и говорила подобно какому-то эльфу, с легкостью перескакивая с одного предмета и занятия на другой. Фактически она была моей горничной, и вскоре после появления у нас в доме я даже полюбила ее, несмотря на некоторую ее взбалмошность и легкомыслие.

– Но ведь дом очень красивый и уютный, разве нет? – спросила я.

– Он старый, – протянула она, неодобрительно наморщив носик. Что ж, наверное, тоже один из способов описать величественную архитектуру эпохи Тюдоров, подумала я. Винельда привыкла ко всем удобствам нашей лондонской квартиры, и у меня порой возникали опасения, что она может превратиться в сноба.

Я сняла перчатки и шляпу и огляделась. Комната большая

и очень холодная – даже несмотря на то, что в камине ярко пылали поленья. Показалось, что ледяной ветер просачивался в оконные створки. Гобелены на стенах, изысканные, с изумительным рисунком, тоже не способствовали сохранению тепла в спальне. Впрочем, то был не первый в моей жизни загородный особняк, который продувался сквозняками, и я полагаю, что, наверное, не последний.

Мебель дорогая антикварная, но знававшая лучшие времена. Огромную кровать украшали столбики со сложной резьбой, каждый толщиной со ствол дерева. Похоже, все эти предметы обстановки тоже датировались эпохой Тюдоров. Однако постельное белье, а также толстый ковер на полу были вполне современные. Похоже, что Лайонсы изо всех сил старались придать этой комнате теплоты и уюта.

Тем не менее у меня сложилось впечатление, что чехлы с мебели сняли в последний момент перед нашим прибытием. И я снова задалась вопросом: зачем семейству Лайонс понадобилось возвращаться в имение? Если семья вернулась сюда недавно, странно, что они пригласили гостей прежде, чем удалось навести в доме полный порядок. И еще мне показалось, что мистеру Лайонсу компания сейчас вовсе ни к чему. Нет, он вел себя с нами очень любезно, как подобает воспитанному человеку, но его энтузиазм был явно напускным. Да, нам определенно предстоит не вполне обычный уик-энд за городом.

Лаурель хотела, чтобы я приехала по причине, которую

мне еще предстояло узнать. И мистер Лайонс просто из вежливости согласился на это ее предложение. Раз уж мы не столь желанные гости, тем более кажется странным, что Изабель Ван Аллен тоже приглашена. После всего, что случилось, подумала я, просто невероятно, что ее приняли с распростертыми объятиями в доме, где произошла трагедия, которую она умудрилась использовать в своих интересах.

– ...привидения бродят по коридорам и холлам в одеяниях с длинными шлейфами. Вот уж не знала. Неужели у них и правда балахоны с длинными шлейфами?

Я вернулась к реальности и увидела, что Винельда вопрошительно смотрит на меня.

– Ну, насчет шлейфов не знаю, Винельда. Однако не думаю, что тебе стоит опасаться привидений.

– Нет, просто я подумала, что здесь и без того собралось много странных людей. И привидения – это было бы уж слишком.

Я собиралась ответить на это занятное соображение, но тут в дверь постучали, и из соседней комнаты вышел Майло.

– Так и несет сквозняками отовсюду, – заметил он, оглядывая мою комнату. – Решай, дорогая, твою или мою спальню выбираем? Ибо я не собираюсь спать в холодной постели один. Кто меня еще согреет, кроме тебя?

– Пойду и посмотрю, что там у нас... вы разрешаете, мадам? – спросила Винельда и торопливо вышла из комнаты.

– Не стоит говорить такие вещи в присутствии Винель-

ды, – с улыбкой сказала я Майло. – Ты же знаешь, она у нас девушка стеснительная.

– А что я такого сказал? – Он подошел, притянул меня к себе. – Думаю, ей уже давно пора привыкнуть к моему распутному поведению.

Я подняла на него глаза – выпала прекрасная возможность высказать то, что задело меня.

– К слову о распутном поведении. Вот уж не знала, что ты знаком с Изабель Ван Аллен.

– О, разве я тебе не рассказывал? – На его лице появилось самое невозмутимое выражение, руки по-прежнему крепко сжимали мою талию.

– Нет, – ответила я. – Не рассказывал.

– Вообще-то мы не слишком близко с ней знакомы.

– Тогда насколько близко? – спросила я, пристально глядя ему в глаза. И приготовилась к худшему.

Он спокойно встретил этот мой взгляд.

– Я не входил в круг ее молодых любовников, если ты это имеешь в виду.

Что ж, ответ достаточно прямой и однозначный.

– Что не мешает ей хранить о тебе самые теплые воспоминания, – заметила я.

– Ну, возможно, она немного путается в них и помнит то, чего не было.

Я была уверена: он говорит правду. К тому же в ту пору мы еще не были с ним знакомы. А потому у Майло не было

причин что-то скрывать. И еще я прекрасно понимала – до меня у него были другие женщины.

– Она очень красивая, – заметила я.

– Да, но как-то не в моем вкусе. Мне никогда не нравился такой тип женщин. За всей этой показной элегантностью кроется некоторая фальшь.

– Ты меня удивляешь. Какая бы она там ни была, но элегантность – одно из неоспоримых ее качеств.

Он пожал плечами.

– Можешь мне поверить, все это лишь тщательно поддерживаемый фасад. Но поверхностный слой быстро истончается. И волноваться тебе в любом случае не следует. Потому как я слишком для нее стар.

Я рассмеялась:

– А я и не волнуюсь.

Он поцеловал меня в губы, я высвободилась из его объятий.

– Все это очень странно, ты не находишь? – заметила я. – Само ее пребывание здесь. После всего, что случилось, как мне кажется, для Реджинальда Лайонса она стала бы последней персоной, которую стоит приглашать в Лайонсгейт.

– Да, они явно друг друга недолюбливают, – согласился со мной Майло. Значит, и он тоже это заметил.

– Это уж точно, – рассеянно протянула я. – Интересно, кого еще они пригласили.

Тут в дверь громко постучали, секунду спустя она распах-

нулась, и в комнату вбежала моя кузина Лаурель.

На ней был костюм для верховой езды, лицо покраснелось от мороза, золотистые волосы растрепались от ветра.

– Эймори, дорогая! Я знала, что ты приедешь! – Она чмокнула меня в щеку и лишь затем обернулась к моему мужу: – Приветствую, Майло.

– Лаурель, – он слегка склонил голову, не выражая особой радости при этой встрече.

– Как доехали? – спросила она меня. – Поездом?

– Нет. Майло привез меня на новой машине.

Она приподняла брови, насмешка светилась в ее карих глазах.

– Неужели? Как это буржуазно с его стороны!

– Что ж, оставлю вас вдвоем, привести себя в порядок и почирикать, хорошо? – спросил Майло. – Тем более Лайонс обещал показать мне конюшни.

– Да, конечно, – кивнула я, зная, что Майло всегда предпочитает лошадей общению со мной и Лаурель.

Он вышел, и мы остались с кузиной наедине. Мне о многом хотелось расспросить ее, так что я даже не знала, с чего лучше начать. Но она избавила меня от этих сомнений – сразу же разразилась целым потоком несвязной речи:

– В этих комнатах жуткие сквозняки, верно? Моя прямо за холлом. Думаю, все гостевые комнаты находятся в этом крыле. О, Эймори, как же я рада, что ты приехала! Я бы ни за что не собралась сюда, зная, что тебя не будет.

– Но как ты вообще тут оказалась, Лаурель? – спросила я. – Ты же вроде бы говорила, что собираешься навестить родителей.

– Я и навестила, – ответила она. – Мама передает тебе привет и говорит, ты должна непременно к ней заехать. Ладно, суть в том, что Реджи вдруг прислал мне письмо. Просто повезло, что я в тот момент находилась дома. Случайное совпадение. Моего адреса у него, разумеется, не было, и он послал его в Пирмонт.

Родители Лаурель жили в Пирмонте, сама я еще ребенком весело проводила там летние каникулы. Мать Лаурель приходилась сестрой моему отцу. И мы с ней выросли, как сестры, потому что других детей у наших родителей не было.

– И что же было в этом письме? – спросила я.

– В том-то и дело. Ничего в нем толком не объяснялось. Просто Реджи просил меня как можно скорей приехать в Лайонсгейт. Он не давал о себе знать много лет, а тут вдруг письмо, и это заставило меня призадуматься. – Она умолкла, на обычно веселом личике читались озабоченность и недоумение. – Что-то было в этом не так, а вот что именно, я так и не поняла.

– Наверное, тебе лучше начать с самого начала, – заметила я. Кузина всегда была мне самым близким другом и конфидентом, но обожала раздувать из мухи слона. И я бы сочла все это плодом ее не в меру разыгравшегося воображения, если бы сама не чувствовала: в Лайонсгейте явно творится

что-то нехорошее. Что-то неладное и пока непонятое.

Лаурель плюхнулась на постель.

– Все это так странно. Я сразу поняла: ты должна приехать и распутать этот клубок.

– Мне, конечно, лестно это слышать, – сухо заметила я. – Но хоть убей, не понимаю, зачем я здесь понадобилась. Ведь я даже не знакома с мистером Лайонсом и не представляю, зачем после долгих лет отсутствия ему понадобилось видеть у себя в имении посторонних людей. Думаю, ему первым делом следовало бы привести дом в порядок.

– Не думаю, что он долго пробудет здесь, – заметила Лаурель. – Он явно чем-то обеспокоен, просто места себе не находит. По утрам долго гуляет в полном одиночестве. И всегда возвращается каким-то очень мрачным. И еще мне кажется, идея вернуться в Лайонсгейт принадлежит не ему.

– Как прикажешь понимать?

– Думаю, это как-то связано с Изабель. Самой мне не хотелось бы его спрашивать. Но у меня возникло ощущение, что именно она убедила его вернуться.

Что ж, теперь понятно, почему у меня возникло ощущение, будто истинной хозяйкой дома является Изабель. И что этот уик-энд – ее затея.

– Но почему, собственно, он должен идти у нее на поводу? – задумчиво спросила я.

– Тем не менее пошел, – мрачно заметила кузина. – Это не имеет никакого смысла, а потому я беспокоюсь.

– Да, сегодня я не заметила, чтобы между ними существовали романтические взаимоотношения, – вставила я.

Лаурель покачала головой:

– Нет, между ними все уже кончено, давно. Хотя одно время он был просто без ума от нее. Да и все остальные мужчины тоже. Мы даже называли ее колдуньей, уж она как никто умела влюбить в себя кого угодно, все попадали под ее чары. Именно это произошло и с Реджи. Он всегда был милейшим человеком. Я и представить не могла... ладно, не важно. Достаточно сказать, что он был очень в нее влюблен. Был готов исполнить любую ее прихоть.

Тут мне стало любопытно, какие же чувства в то время испытывала моя кузина по отношению к Реджинальду Лайонсу. Мы всегда делились с ней самым сокровенным. И она утверждала, что рассматривает мистера Лайонса всего лишь как друга, при этом у меня создавалось впечатление, что за этой «дружбой» стоит нечто большее. Ее выдавал голос.

– Но затем что-то между ними произошло, – продолжила она, – еще до того несчастного случая. В тот уик-энд они были так холодны друг с другом, и все мы решили, что их роман подошел к концу. Я еще тогда подумала, что, должно быть, Изабель нашла себе кого-то другого. Она всегда была увлекающейся натурой. Ну а потом, когда все случилось и она написала эту чудовищную отвратительную книжку, я подумала, что он готов убить ее, и убил бы, если бы не был так раздавлен. А после того, что произошло с бедным Брэдом...

– С Брэдфордом Гленном? – решила уточнить я, вспомнив, что именно этого молодого человека Ван Аллен обвиняла в убийстве, замаскированном под несчастный случай.

– А что с ним случилось?

Лаурель удивилась:

– Как, ты не знаешь?

– Нет.

– Ну, разумеется, – спохватилась она. – Я совсем забыла. Это произошло во время твоего свадебного путешествия. Вскоре после того, как опубликовали книгу, обвиняющую его во всех смертных грехах... он покончил с собой.

– Боже, ужас какой, – пробормотала я потрясенно. Теперь мне стало ясно, почему Изабель Ван Аллен вынуждена была спешно покинуть страну из-за этого скандала. Мало того, что в Лайонсгейте трагически закончилась жизнь одного молодого человека. За этой жертвой последовала еще одна – и все исключительно потому, что она нещадно эксплуатировала в своих целях этот несчастный случай.

– Просто чудовищно, – подхватила Лаурель. – Я уже почти решила не ехать, получив это письмо. Но затем подумала, что будет нехорошо бросать его на произвол судьбы, раз он позвал меня. Только вообрази, как я ужаснулась, когда по прибытии обнаружила, что он и ее пригласил. И это еще не все. Он пригласил их всех.

– Всех? Это кого же?

– Всех тех, кто оказался здесь той жуткой ночью.

Меня вдруг зазнобило от этих ее слов. Возникло то же самое тревожное предчувствие, что должно случиться нечто ужасное, охватившее меня, когда я стояла и смотрела на серые стены Лайонсгейта. Я не суеверна, но мне страшно захотелось, чтобы это неприятное ощущение развеялось.

– Но зачем это ему понадобилось? – я уже начала перебирать в уме различные варианты, и все казались малоприятными.

– Не знаю. Поэтому и захотела, чтобы ты побыстрее приехала. А когда узнала, что она здесь... что все они будут здесь... Прямо не знаю, как объяснить, но у меня появилось предчувствие. Что должно произойти что-то ужасное, Эймори.

Успокоить кузину на этот счет сейчас у меня не получилось. Потому как я разделяла ее тревожное предчувствие.

Глава 3

И все же я постаралась прогнать страхи кухни, хотя самой никак не удавалось избавиться от ощущения грядущей беды. Я пыталась отогнать, подавить мрачные мысли, а Лаурель отправилась к себе в комнату принять ванну и переодеться перед обедом.

Мне тоже не мешало бы освежиться после дороги, но сначала я решила выбрать в гардеробе нечто подходящее для выхода к обеду. Я надеялась, что Винельда не забыла упаковать вечернее платье, в котором будет не так холодно в этом наверняка продуваемом сквозняками обеденном зале. Я так увлеклась этим своим занятием, что не услышала стук в дверь.

– Добрый день, – произнес голос у меня за спиной.

Я даже вздрогнула. После всех этих разговоров о привидениях я ожидала увидеть бледное лицо, вззирающее на меня из глубины темного холла. Очевидно, Лаурель не слишком плотно затворила за собой дверь, и она распахнулась от сквозняка.

Однако джентльмен, о котором шла речь, ничуть не походил на привидение. Напротив. Он напомнил мне статую Аполлона с классическими чертами лица и золотистыми кудрями. На меня смотрели внимательные глаза, такие бледно-голубые, что показались почти бесцветными. Окидывали

бесстрастным взглядом с головы до пят. Он словно оценивал меня, но я не чувствовала себя оскорбленной, хотя подобное поведение было несколько необычно для незнакомого джентльмена, который даже не представился, стоя на пороге моей спальни.

– День добрый, – ответила я, чтобы нарушить молчание, но не имея ни малейшего намерения начинать с ним разговор. Он кого-то напоминал мне, этот молодой человек, но я никак не могла сообразить, где и когда с ним встречалась. Мы не были с ним знакомы, это определено, а вот это лицо я где-то видела. Уж очень запоминающимся оно было.

– Я Гаррет Уинтерс, – представился он.

Ну конечно! Художник. Я видела его картины в домах друзей. И тут же вспомнила, что он был среди гостей той ночью, когда погиб Эдвин Грин.

Еще до кончины мистера Грина картины Уинтерса начали входить в моду. Считалось, что этот молодой человек обладает незаурядным талантом. Самым большим успехом пользовались портреты его кисти, и я знала женщин, которые позировали ему, а затем не переставали восхищаться красотой этого златокудрого творца. Однако после трагедии он стал работать заметно меньше. Время от времени на одном из аукционов появлялись его картины, но в артистических кругах имя упоминалось уже не часто. Помню, как один из друзей говорил мне, что его работы лишились живости и страсти после скандала в Лайонсгейте.

– Как поживаете, мистер Уинтерс? – вежливо спросила я. – Позвольте представиться, я Эймори Эймс.

– Эймори Эймс, – задумчиво и еле слышно произнес он, словно говорил сам с собой. Наверное, пытался вспомнить, встречались ли мы когда-нибудь или нет. – Вы гостя Реджи, насколько я понимаю.

Мы все были гостями Реджи, но мне не хотелось лишний раз упоминать об этом.

– Да, мы с мужем приехали по его приглашению.

– Вряд ли этот визит сложится приятно, как мне кажется, – заметил он загадочным тоном, из которого нельзя было понять, что он имеет в виду под этой своей ремаркой.

Я не знала, что ответить. И хотя сама в глубине души была согласна с мнением этого незнакомца, все же хотелось выслушать от него хоть какое-то объяснение.

– Вы и впрямь так думаете? – с улыбкой поинтересовалась я. – Лайонсгейт расположен в таком чудесном месте.

– Никто из нас не в восторге от пребывания здесь. Потому что неизвестно, какие сюрпризы заготовила для нас эта женщина.

Я сразу же поняла: он говорит об Изабель Ван Аллен. И уже хотела попросить его объяснить подробнее, как мистер Уинтерс заявил:

– Мне надо идти. Увидимся за обедом, миссис Эймс. – И вышел.

Некоторое время я смотрела на распахнутую дверь и пы-

талась понять, что означали все эти его слова. Никому из гостей не хотелось возвращаться в Лайонсгейт, и тем не менее все они приехали. Интересно, что же привело их сюда?

Только одно было ясно: если все остальные гости Реджи придерживаются того же мнения, что и Гаррет Уинтерс, обеденный вечер обещает стать весьма занимательным.

Я почувствовала облегчение, когда гостей начали созывать к обеду. Весь день напряжение лишь нарастало, и мне не терпелось выяснить, как же на деле обстоят дела. Возможно, сегодня ничего особенного и не произойдет, но за обедом у меня будет возможность понаблюдать за всеми гостями сразу, а значит, я смогу сделать хоть какие-то первоначальные выводы.

Майло вошел в спальню, когда Винельда добавляла последние штрихи к моему наряду. Я обернулась к нему, и, как обычно, отметила, как он шикарно выглядит в вечернем костюме.

– Ну, как ты нашел конюшни в Лайонсгейте? – спросила я.

– Там лишь несколько лошадей, но они просто чудесные.

Однако до моих им, разумеется, далеко.

Я улыбнулась:

– Конечно. Как же может быть иначе.

Он окинул меня оценивающим взглядом.

– Ты, как всегда, выглядишь просто прелестно.

– Спасибо. – Темно-красное бархатное платье было одним

из самых тяжелых моих нарядов, но я считала, что плотная ткань и длинные рукава вполне компенсируются низким вырезом.

– Ты готова? – спросил Майло.

– Да, почти. – Я взяла браслет из рубинов, бриллиантов и ониксов и обернулась посмотреть, вышла ли горничная из комнаты. Затем надела браслет на запястье и застегнула его свободной рукой. – Майло, Лаурель сказала, что мистер Лайонс пригласил всех тех гостей, которые были здесь в ночь гибели Эдвина Грина.

– Вот как? – Майло даже выпрямился.

– Да. И мы считаем, что это как-то связано с возвращением Изабель из Африки.

– Вполне возможно, – согласился он. – Поскольку это ничуть не похоже на счастливое воссоединение бывших любовников.

– Боюсь, за обедом произойдет что-то ужасное.

– У нас только один способ это выяснить, – с улыбкой заметил Майло и предложил мне руку. – Идем?

Я взяла его под руку, и мы вышли в холл. Электричество в доме было, но, похоже, горели не все лампочки, потому как в холле оказалось довольно темно. Лишь редкие канделябры на стенах отбрасывали круги мутновато-желтого света. И еще откуда-то страшно дуло. Я поежилась и еще крепче прижалась к мужу.

– Дом такой огромный и замусоренный, верно? – заметил

он. – Вряд ли кто-то заботился о нем в отсутствие Лайонса.

Я не удивилась, услышав от него это критическое замечание. Майло не сомневался, что Торнкрест, наш загородный дом, содержится в идеальном порядке. Майло унаследовал его от отца, и порой мне казалось, что это единственный предмет в жизни, к которому он относится со всей серьезностью.

– Лаурель сказала, что он вообще не хотел приезжать в Лайнстейт. Будто бы его появление здесь как-то связано с Изабель.

И вот мы рука об руку спустились вниз по лестнице. Наверное, женщине не слишком подходит так липнуть к мужу, но в доме царил страшный холод. И я не могла отказать себе в этом удовольствии. Впрочем, при входе в гостиную я немного от него отстранилась.

Люсинда Лайонс поднялась из кресла и направилась нам навстречу.

– Добрый вечер, мистер и миссис Эймс, – сказала она, глядя при этом только на мистера Эймса. Он определенно уже успел обзавестись пылкой поклонницей.

– Добрый вечер, мисс Лайонс, – отозвался он. – Вы выглядите просто прелестно.

Она так и залилась краской.

– Спасибо.

Навстречу нам вышел Реджинальд Лайонс. И вид у него был по-прежнему рассеянный и обеспокоенный. Этот чело-

век, подумала я, не слишком умеет скрывать свои истинные чувства, несмотря на все усилия.

– Добрый вечер, мистер и миссис Эймс, – произнес он преувеличенно бодрым тоном. – Позвольте познакомить вас с моей сестрой, Беатрис Клайн. Ее муж отправился в деловую поездку за границу, а потому не может к нам присоединиться.

Беатрис Лайонс Клайн оказалась хорошенькой женщиной с правильными, как и у брата, чертами лица. Но волосы, в отличие от Люсинды и Реджи, у нее были темно-каштановые, и она носила очень короткую стрижку. Как и брат, она казалась чем-то обеспокоенной, однако умела скрывать свои чувства куда лучше его.

– Как поживаете? – вежливо, но без всякого энтузиазма спросила Беатрис. И взгляд у нее был холодный и наблюдательный. Беатрис изображала полное спокойствие, но от моего внимания не укрылось, как она то и дело посматривает на входную дверь в гостиную.

Думаю, все мы сейчас думали об одном и том же. Гадали, какой сюрприз нам припасла на этот вечер Изабель Ван Аллен.

Затем Реджи Лайонс познакомил нас с Гарретом Уинтерсом, и тот и словом не обмолвился о том, что уже успел представиться мне сегодня днем в моей спальне. Он тоже смотрел рассеянно, но встревоженным не выглядел. Создавалось впечатление, что мысли его были заняты куда более важными

вещами, чем присутствующие в этой комнате простые смертные.

А несколько мгновений спустя занавес поднялся, и на сцене возникло главное действующее лицо.

– Надеюсь, я не слишком опоздала, – послышался в дверях голос. То была Изабель Ван Аллен собственной персоной.

Секунду-другую она стояла на темном фоне холла, привлекая всеобщее внимание. Затем вошла. На ней было черное шелковое вечернее платье с вызывающе открытым декольте.

– Отнюдь, – ответил Лайонс с вымученной улыбкой. – Я как раз знакомил с гостями мистера и миссис Эймс.

– Прелестная компания, не так ли? – заметила Изабель, неспешно направляясь к нам. Я не могла удержаться от мысли, что походка у нее, как у кошки на прогулке. – Но вроде бы не все еще прибыли?

– А что, должен присоединиться кто-то еще? – с невинным видом спросила я.

– Еще одна пара, – ответил Реджинальд Лайонс. – Филипп и Фрида Коллинз. Должны были приехать сегодня, но у них заболела дочка, и миссис Коллинз не смогла оставить ее. Думаю, они появятся завтра, где-то днем.

– Вот и отлично. Тогда вся наша маленькая компания будет в сборе, – с улыбкой произнесла Изабель, глядя прямо в глаза Реджи. Тот старался не встречаться с ней взглядом и

стоял, стиснув зубы.

У входа снова возникло какое-то движение, все мы обернулись.

– А, вот и ты, Десмонд, – проговорила Изабель. Протянула ему руку, и он кинулся к ней, точно по команде.

Я была убеждена – этого Десмонда не было на месте трагедии той ночью. Слишком уж молод. И еще – поразительно красив, этот юноша с черными волосами и глазами темно-медового цвета. Кожу его покрывал глубокий ровный загар – несколько необычно для середины зимы. Возможно, приехал из Кении вместе с мисс Ван Аллен? Впрочем, моему Майло удавалось поддерживать прекрасный цвет лица круглый год, так что, возможно, я ошибалась.

Вскоре выяснилось, что догадка моя оказалась верна.

– Знакомьтесь, Десмонд Робертс, мой секретарь, – произнесла она с улыбкой, намекающей на то, что за чисто деловыми отношениями между ней и Робертсом стоит нечто большее. Уж в чем-чем, но обвинить мисс Ван Аллен в скрытности было нельзя. – Он со мной уже больше года.

– Приветствую всех, – белозубо улыбнулся юноша.

Вблизи он показался еще моложе, чем при первом взгляде. Едва ли ему было больше двадцати трех или двадцати четырех лет; получалось, что мисс Ван Аллен старше его как минимум на два десятилетия. Похоже, она постоянна в своих пристрастиях. Интересно, действительно ли он исполняет секретарскую работу? Как-то трудно представить этого юно-

го красавчика сидящим за пишущей машинкой и набирающим текст под ее диктовку.

– Я пишу романы о любви под вымышленным именем, – продолжила Изабель, поглаживая его по руке. – И Десмонд оказывает мне просто бесценную помощь в этой работе. У него имеется целый арсенал способов вдохновить меня.

Майло поймал мой взгляд и слегка приподнял брови.

Тут всех гостей пригласили к столу, что избавило нас от чувства неловкости.

Обеденный зал выглядел так, словно за последние лет пятьсот в нем почти ничего не изменилось. Это была продолговатая темная комната с высокими потолками из деревянных балок и деревянным столом длиной почти во все помещение. Над огромным камином из крупного камня висели герб Лайонсов, голова оленя с ветвистыми рогами и скрещенные боевые топоры. Я обрадовалась, услышав, как ревет в камине огонь, и еще больше тому, что мне уготовано место спиной к огню, поскольку вечернее платье, как выяснилось, все же не предназначено для носки в холодных помещениях.

Еда была прекрасной, беседа хоть и поверхностной, но довольно приятной. Однако, несмотря на всеобщую благостность атмосферы, я чувствовала: «поскреби» хотя бы чуть-чуть эту поверхность, и под ней откроется нечто менее цивилизованное. Напряжение только возрастало, почти каждый из присутствующих настороженно косился на осталь-

ных. Все, кроме Изабель Ван Аллен.

В немного сумеречном освещении лицо ее выделялось бледностью и красотой. Она сидела рядом с Реджи Лайонсом, но за весь вечер эти двое не обменялись и словом. И еще я заметила, что, несмотря на свой статус гостьи, истинной королевой этого вечера являлась именно Изабель. В ее глазах светилась уверенность женщины, осознающей, что ей известно нечто такое, о чем не догадывается никто другой. Интересно, подумала я, когда же она решит поделиться с нами своей тайной?

Как выяснилось, Изабель дожидалась десерта. Вскоре перед каждым из нас поставили красивое блюдо с бисквитами, но она не дала времени ими насладиться.

– Я хотела начать, когда соберутся все, – заявила она, воспользовавшись паузой в разговорах. – Но поскольку Фрида и Филипп запаздывают, думаю, лучше сказать вам прямо сейчас. У меня для вас любопытные новости.

Ее слова произвели сильный эффект, несмотря на то что ничего тревожного в этом заявлении не было. Я заметила, как омрачилось лицо Реджи Лайонса, а все остальные замерли на своих местах.

Изабель выдержала паузу – видимо, хотела насладиться моментом всеобщего испуга, а затем продолжила:

– Ни для кого не секрет, что публикация моего романа «Жертва зимы» вызвала целый ряд неприятностей.

– Неприятностей? – холодно повторила Беатрис Клайн. –

Так вы предпочитаете называть наше разорение и смерть Брэдфорда?

– Я просто представила правду такой, как ее увидела. А уж последствия не моя вина.

– Не ваша вина? – возмутилась Беатрис. Она даже побледнела, а глаза засверкали от гнева и горечи. Какие бы чувства она ни испытывала к Брэдфорду Гленну, ясно было одно, эта женщина воспринимает случившееся с ним очень близко к сердцу. – Да с самого начала это была именно ваша вина. Это вам следовало бы умереть!

Изабель тихо рассмеялась, ее темные глаза сияли.

– Ага, выпустила коготки. Ты всегда была такой честной, Беатрис. Никакого притворства. Вот и продолжала бы в том же духе. Так было бы куда лучше, согласны?

Никто не сказал ни слова. Даже Беатрис промолчала. Я покосилась на Реджи Лайонса. Он стиснул зубы, лицо было бледно, как мел.

А на губах Изабель играла улыбка, пока она обводила взглядом стол. Я почти физически ощущала исходящее от нее возбуждение. Она явно наслаждалась каждым моментом.

– Теперь, раз уж мы стали так честны друг с другом, самое время сделать одно заявление. В моей книге раскрыто много тайн, но в самой истории, случившейся тогда, их было гораздо больше. Просто тогда я этого еще не знала. И вот раскопала их. У меня появилась новая информация, однако

я решила приберечь ее до нужного момента. Как раз сейчас он и настал. – Изабель снова выдержала долгую паузу перед тем, как нанести coup de grace²: – Я решила написать продолжение.

² Coup de grace (фр.) – последний (решающий) удар.

Глава 4

В зале повисла тишина – показалось, что даже поленья в камине перестали потрескивать, – затем Реджи Лайонс громко чертыхнулся и так резко вскочил со своего места, что стул отлетел в сторону.

– Ты не посмеешь, Изабель!

– Но я уже начала писать, Реджи.

– Я не позволю, – сквозь зубы прошипел он.

Изабель расхохоталась низким горловым смехом, однако ее взгляд стал жестким, ледяным.

– Не думаю, что у тебя получится мне помешать.

Он так побагровел от ярости, что я испугалась – вдруг его хватит апоплексический удар.

И тут в тишине прозвучал холодный голос Беатрис:

– И что же нового вам удалось узнать?

Изабель устремила взгляд на нее. Казалось, искры ненависти так и пронзают воздух.

– Ты действительно хочешь, чтобы я так прямо тебе и сказала, Беатрис?

Беатрис не отвела взгляда, но и не ответила.

Изабель не стала нарушать тишину, воспользовалась паузой и отщипнула крохотный кусочек бисквита. Я слышала, как тяжело дышит сидящий напротив Реджи Лайонс.

Мне очень хотелось посмотреть на реакцию Майло, одна-

ко он сидел на той же стороне стола, что и я, а извернуться и взглянуть на него было бы просто неприлично. И Лаурель тоже сидела там, где я не могла ее видеть. И я отчаянно ломала голову над тем, что же сейчас думают эти двое близких мне людей.

– Но к чему понадобилось собирать нас здесь, чтобы сообщить все это? – спросила моя кузина. Пусть я ее не видела, зато отчетливо слышала в ее голосе разочарование. – Почему бы вам просто не написать книгу и обойтись без этих выступлений? – Тем же вопросом задавалась и я.

– Да потому, что вы мне нужны, – ответила Изабель.

Реджи Лайонс подавил смешок.

– С чего это вы взяли, что мы будем вам помогать? – впервые за весь вечер я услышала, как заговорил Гаррет Уинтерс. Никакого возмущения в его голосе не прозвучало. Создавалось впечатление, что он вовсе не заинтересован в ее ответе.

Изабель взглянула на него, и губы ее тронула улыбка.

– Прелестный Гаррет, как всегда, витает в облаках. Но ты ведь хотел бы помочь мне, правда? В память о старых добрых временах?

Он промолчал. Изабель отвела от него взгляд, и теплая улыбка растаяла.

– Полагаю, все вы собрались здесь, чтобы выслушать мои соображения. И я выскажу их, но в свое время. А на сегодня, пожалуй, я сообщила достаточно.

С этими словами она грациозно поднялась из-за стола; все

мужчины автоматически тоже встали. Все, за исключением Реджи Лайонса – стул, который он отбросил, по-прежнему лежал на полу. Он тяжело опирался обеими руками о стол. Я надеялась, что ноги все еще его держат.

– А сейчас я удаляюсь к себе в комнату, – произнесла Изабель, окинув присутствующих беглым взглядом. – Собираюсь немного поработать. Мне нужно закончить книгу в течение месяца. И я почти уверена – этот роман произведет настоящую сенсацию.

Она находилась на полпути к двери, когда заговорил Реджи:

– Но прежде я тебя убью. – Эти слова он произнес шепотом, но в наступившей мертвой тишине они были отчетливо слышны.

В ответ на эту угрозу Изабель глянула на него через плечо и прищелкнула языком.

– Как тебе не стыдно, Реджи! В присутствии всех гостей! С этими словами она покинула комнату. И нам, оставшимся, показалось, что она забрала с собой весь воздух, который тут был.

Какое-то время все мы сидели молча и неподвижно, точно громом пораженные.

– Прошу прощения, – проговорил вдруг Реджи. Развернулся и тоже вышел из комнаты.

И опять никто не произнес ни слова.

Думаю, все мы в тот момент пребывали в состоянии шо-

ка. Не припомню, чтобы когда-либо на светских обедах мне доводилось видеть нечто подобное по драматизму.

Первой высказала свое мнение Беатрис.

– Как это все неприятно, – заметила она, явно преуменьшая значение произошедшего. – Позвольте извиниться перед вами, мистер и миссис Эймс. Уверена, эта сцена произвела на вас самое неблагоприятное впечатление.

– Вам не за что извиняться, – откликнулась я. Ведь в конечном счете не Беатрис срежиссировала упомянутую кульминационную сцену.

– И все же Реджи должен был предвидеть, что произойдет нечто подобное. Он бы ни за что не пригласил вас, зная, что эта женщина сюда явится.

Она обернулась к Десмонду Робертсу, молодому секретарю Изабель. Я чуть было не забыла о его присутствии.

– Я и перед вами тоже должна извиниться, мистер Робертс, – произнесла Беатрис довольно небрежным тоном.

– Порой Изабель ведет себя довольно провокационно, – без особых эмоций заметил Десмонд. Я подозревала, что он чувствует себя не в своей тарелке, хотя, возможно, ему было приказано остаться за столом и проследить за нашей реакцией на скандальное заявление мисс Ван Аллен.

– Пойду, пожалуй, посмотрю, как там Реджи, – сказала Беатрис и отодвинула тарелку с десертом, к которому даже не прикоснулась. – Кофе подадут в гостиной. Вскоре присоединюсь к вам там.

И вот мы перешли в гостиную, и я заглянула в глаза Майло. Как обычно, трудно было понять, о чем он думает. Сомневаюсь, что эта сцена слишком его тронула. Напугать или удивить его чем-то довольно непросто. Думаю, если бы Реджи вонзил в Изабель столовый нож, то это вызвало бы у него лишь легкое удивление, не больше.

Реакция моей кузины была более красноречивой. Ее глаза расширились, щеки побледнели, и по пути в гостиную она судорожно вцепилась мне в руку.

– Произошло как раз то, чего я больше всего опасалась, – прошептала она. – Реджи... ты видела его лицо, Эймори? Боюсь, что он... – Тут голос ее стих. – Я так и не поняла, чего она больше опасается – за его здоровье или же того, что он может сотворить с мисс Ван Аллен.

– Интересно, что она может написать в этой новой книге? – спросила я. Я никогда не выпытывала у кузины деталей произошедшей в Лайонсгейте трагедии. Чувствовала, что она вряд ли захочет обсуждать это со мной. Однако теперь мне было важно во всех подробностях знать, что же случилось здесь и привело к гибели мистера Грина. Очевидно, окажутся раскрыты еще несколько секретов. И новая книга Изабель Ван Аллен произведет не меньший фурор в обществе, чем первая.

– Не знаю, – ответила Лаурель. – Здесь происходило столько разных ужасных вещей, о которых я в то время и понятия не имела. Да что угодно она там может написать.

Не слишком ободряющее высказывание. Однако мы не могли простоять в холле весь вечер, обсуждая все эти мало-приятные возможности.

– Ладно, поговорим об этом позже, – предложила я.

Лаурель кивнула, и мы направились в гостиную. Настроение у всех было, мягко говор, подавленное, что, впрочем, не помешало гостям пить кофе и поддерживать непринужденную светскую беседу. Лаурель уселась рядом с Гарретом Уинтерсом. Он не подавал виду, что впечатлен представлением, затеянным Изабель, но как знать, какие мысли роились в его голове на этот счет. Скорее всего, сама идея написания книги претила ему, как и остальным гостям.

Я ничуть не удивилась, увидев, что Люсинда Лайонс уселась рядом с Майло. Она тоже была потрясена сценой, разыгравшейся в обеденном зале, но, видимо, Майло удалось быстро ее успокоить. И я была этому только рада. Наверное, юная леди чувствовала себя немного одиноко после того, как брат и сестра ушли и оставили ее в обществе малознакомых людей.

Я подумала, что и Десмонд Робертс чувствует себя так же. Он сидел один на кушетке рядом с камином и с невозмутимым видом потягивал кофе из чашки. Однако я подозревала, что уверенность, с которой он держался, была наигранной. И еще я заметила, что, когда он считал, что никто на него не смотрит, на его лице проступало какое-то потерянное выражение.

А я все гадала, как это он мог угодить в цепкие объятия мисс Ван Аллен. Думаю, его мужскому самолюбию льстил тот факт, что на него обратила внимание столь экзотическая женщина, как Изабель Ван Аллен. И тот факт, что она была лет на двадцать старше его, в расчет не принимался. Ведь она до сих пор была потрясающе красива, да еще к тому же наверняка и богата.

Нет, возможно, я рассуждаю слишком цинично. И вполне вероятно, что этих двоих связывают самые искренние чувства. Впрочем, интуиция подсказывала мне, что как любовники они не слишком подходили друг другу.

Что ж, какова бы ни была истинная подоплека этой связи, не мое это дело. Он человек взрослый и имеет полное право поступать так, как ему захочется. Но это, разумеется, вовсе не означает, что я не могу попытаться подружиться с ним.

– Похоже, мы здесь с вами аутсайдеры, мистер Робертс, – заметила я, подойдя к нему. Он целиком ушел в свои мысли и вскочил на ноги с секундным опозданием.

– Прошу вас, вставать не обязательно. – Я уселась рядом с ним и приняла кофейную чашечку из рук дворецкого Хенсона.

– Боюсь что так, причем не только здесь, миссис Эймс, – сказал мистер Робертс, когда Хенсон отошел. – Я вообще чужак в этой стране.

– И как долго вы прожили в Кении?

– Да почти всю свою жизнь. И об Англии мало что пом-

ню. Ну, разве что тут почти все время холодно, серые утра и нескончаемые дожди. И этот визит пока что не обогатил картину, оставшуюся у меня в памяти.

Я улыбнулась.

– Да, могу представить, насколько все это вам непривычно. Возможно, зима – не самое лучшее время для поездки в нашу страну.

– Что тут скажешь. Вы правы.

Он снова отпил глоток кофе, чашечка казалась совсем крохотной в его длинных коричневых от загара пальцах. Я заметила, что ногти у него наманикюрены, а в рукава рубашки вставлены золотые запонки. Похоже, мисс Ван Аллен не жалеет средств на его содержание. Не слишком красиво с моей стороны было так думать о нем, но ничего другого в голову просто не приходило.

– А вы сюда надолго? – не без скрытого умысла спросила я. Если меня пригласили утихомирить бурные воды страстей, бушующих в Лайонсгейте, не мешало бы получить как можно больше информации, маскируя интерес под светский разговор.

– Могу никогда и не вернуться, – выпалил он в ответ. И оглядел комнату невидящим взглядом человека, целиком погруженного в свои мысли.

Затем он вроде как опомнился и взглянул на меня с веселой улыбкой.

– Впрочем, могу уехать и через две недели. Человек пред-

полагает, а Бог... ну, сами понимаете. Никому не дано знать, верно?

– Это уж точно, – кивнула я. – Никому.

Он снова обрел самообладание и принялся рассказывать о своей жизни в Африке. Он очень живо повествовал о новой родной земле, и мне все больше нравился этот молодой человек. Я от души надеялась, что все неприятности, которые он так тщательно скрывал под личиной наигранного равнодушия, закончатся в самом скором времени.

И вот наконец я извинилась и направилась к Майло и его молодой обожательнице.

Он что-то рассказывал Люсинде, и та весело и звонко смеялась, позабыв о неприятной сцене за обедом. Я приблизилась, она с улыбкой обернулась ко мне, а Майло привстал с дивана.

– О, миссис Эймс! Ваш муж рассказывает такие забавные истории!

– Да, тут он у нас мастер, – согласилась я. Майло мог очаровать кого угодно. То был его природный дар, но стоило ему приложить немного усилий, эффект получался просто потрясающий. Люсинда так и расцветала в лучах его внимания.

– Он рассказывал мне о своей лошади по кличке Ксеркс, – сообщила Люсинда. – Так забавно! Просто обожаю веселый нрав и блестящие черные волосы.

– Да, совершенно прелестное существо, – подтвердила я,

не вполне уверенная, о ком именно идет речь – о Майло или его лошади.

– Мистер Эймс рассказывал мне просто восхитительные истории, – не унималась она. Затем немного замялась и добавила: – Так славно посмеяться после всех этих неприятных событий за обедом.

– Похоже, настроение у всех заметно улучшилось, когда мисс Ван Аллен покинула компанию, – небрежно заметила я.

– Она ужасная женщина, вы согласны? – спросила Люсинда таким тоном, словно это само собой подразумевалось. – Но очень хороша собой, настоящая красавица.

Я не могла не согласиться с этим ее утверждением.

– И наряды у нее просто изумительные. Никогда бы не подумала, что женщина умеет так стильно одеваться, прожив долгие годы в дикой стране. Но все ее туалеты – просто последний писк моды!

– Думаю, что по пути сюда она заехала в Париж, – предположила я. – И, похоже, легко адаптировалась к европейскому образу жизни. Не уверена, что то же самое можно сказать о мистере Робертсе. И дело не только в том, что он чувствует себя чужаком в нашей стране. Эти разговоры за столом были ему явно неприятны.

– Да, наверное. – Люсинда покосилась на молодого человека, сидевшего в другом конце комнаты. – Если честно, не понимаю, что может связывать этих двоих. Он слишком молод для нее. Лично я предпочитаю мужчин постарше. С ни-

ми куда интереснее. – Говоря это, она выразительно покосилась на Майло.

– Ладно, как бы там ни было, пойду поговорю с ним. Реджи все нет, некому исполнять роль хозяина дома.

– Будет очень мило с вашей стороны. – Такой молодой хорошенькой девушке, подумала я, больше пристало кокетничать с неженатыми джентльменами ее возраста, чем с моим мужем.

Нет, сегодня я просто образчик какого-то неиссякаемого ехидства.

Люсинда встала, разгладила юбку.

– Если позволите, пойду и составлю ему компанию на какое-то время.

Я заняла ее место на диване, придвинулась поближе к Майло.

– Пришла спасать меня, дорогая?

– Она не первая из твоих обожательниц, от которых мне приходится избавляться, – с улыбкой ответила я. – Хотя сегодня не тот случай, и я рада, что ты отвлек ее от мрачных мыслей. Уверена, ей трудно было перенести то, что произошло.

– Готов держать пари, сегодня ее явно игнорируют.

– Да, верно. Брату и сестре совершенно не до нее, они вряд ли уделили ей много времени по возвращении в Лайонсгейт.

– Не сомневаюсь, ее успешно развлечет этот удалой красавчик, так называемый помощник Изабель.

Что ж, я тоже надеялась на это. Но подошла к Майло все не для того, чтобы обсуждать с ним Люсинду. Мне хотелось поговорить о том, что произошло за обедом. Однако не получилось. Как раз в этот момент в гостиную вошли Реджи и Беатрис.

– Прошу извинить за долгое отсутствие, – сказала Беатрис, – похоже, она никогда не теряла самообладания. – Всем подали кофе?

И вот разговоры вновь вернулись в нормальное русло, и каждый притворялся, что ничего особенного за обедом не произошло.

Я взглянула на Реджи. Он стоял рядом с сестрой и, похоже, был не прочь выпить.

Видно, не я одна заметила это, потому что почти тотчас же к нему подошел Хенсон с подносом, на котором стоял бокал. И содержимое бокала явно не походило на кофе, который пили все остальные.

– Может, сыграем партию в бридж? – неожиданно предложила Лаурель, глядя на Реджи.

– О, право, не знаю... – начал было он.

– А ты будешь моим напарником, Реджи. У нас всегда хорошо получалось играть вдвоем.

Он колебался недолго.

– Что ж, ладно.

– Беатрис?

– Нет, спасибо, Лаурель. – Она уселась у камина и заку-

рила сигарету.

– А я буду играть в паре с мистером Робертсом, – заявила Люсинда. Вопросительно покосилась на него, и тот кивнул в знак согласия.

Игроки направились к столу в углу комнаты, а к нам подошел Гаррет Уинтерс.

– Рад, что удалось избежать этого развлечения, – сказал он. – Терпеть не могу карточные игры. – Я ничуть не удивилась его высказыванию. Мистер Уинтерс мало походил на человека, обладающего достаточной концентрацией для того, чтобы делать правильные ставки.

– Сегодня и у меня тоже душа не лежит к игре, – заметила я. – Похоже, вы были правы, когда говорили днем, что ситуация будет складываться не самым приятным образом.

Он рассеянно улыбнулся:

– Боюсь, что худшее еще впереди.

И, к сожалению, моя интуиция подсказывала то же самое.

Я рассыпалась в извинениях и удалилась в свою комнату, оставив Майло и мистера Уинтерса вдвоем – они хотели выпить еще немного. Этот вечер был полон событий, и я очень устала.

Винельда сидела в кресле, которое передвинула очень близко к камину, и читала книжку. Увидев, что я вошла в комнату, тут же отложила ее и вскочила на ноги.

– О, мадам! – возбужденно воскликнула она. – Неужели

это правда? Ну, что за обедом было много криков и угроз?

Я никогда не переставала дивиться тому, с какой скоростью распространяются новости среди прислуги. А моя Винельда поистине служила магнитом для притягивания самых разных слухов и сплетен и всегда успевала подружиться со служанками в любом чужом доме.

– Да, возникли неприятные моменты, – призналась я. – Боюсь, что люди, собравшиеся здесь, не слишком ладят друг с другом.

– Жду не дождусь, когда вы расскажите мне все-все, – выпалила она и принялась расстегивать мне платье.

– О, это довольно долгая история.

– Ничего страшного, мадам. – Винельда обожала длинные истории. И скандалы влекли ее, как пчелу к меду.

Я шагнула из платья и тут же надела ночную рубашку, а Винельда пошла вешать платье в шкаф. Мне не слишком хотелось вспоминать случившееся за обедом, но я знала: горничная не успокоится до тех пор, пока не вызнает все подробности.

– Ну, все это началось еще несколько лет назад. Здесь погиб молодой человек, и мисс Ван Аллен написала об этом книгу.

– Да. «Жертва зимы», – бросила Винельда через плечо.

Я удивилась и обернулась к ней:

– Так ты знаешь эту книгу?

– Конечно, мадам. Одна из моих любимых. Я еще совсем

молоденькой была, когда ее напечатали, но помню, какой тогда разразился скандал. Матушка сказала, что мне не следует такое читать, ну и естественно, мне стало еще любопытнее. И все мои подружки, и я купили по книжке. Скажу вам по секрету, я не раз краснела, читая, что там понаписано.

– А мне тогда и в голову не пришло раздобыть один экземпляр, – задумчиво произнесла я. – Очень кстати пришлась бы сейчас эта книга.

– Так вы можете почитать мою, мадам, – тут же предложила Винельда.

Я подняла на нее глаза:

– Она у тебя с собой?

– Да. Вот тут. – Она подошла к креслу, в котором сидела, и взяла ту самую книгу, за чтением которой я ее застала.

– Твоя запасливость, Винельда, не перестает меня удивлять.

– Ничего удивительного. Я узнала, что мы едем в Лайонсгейт, вот и захватила ее с собой. Подумала, может, узнаю места, описанные в книге. Не знаю, не уверена, но мне кажется, именно в этой спальне разыгралась сцена, когда...

– Да, спасибо тебе, Винельда, – перебила я ее.

Она сделала книксен.

– Всегда рада помочь. И еще думаю, книжка вам понравится. Там есть одна ужасно скандальная сцена, где...

Слава богу, подробностей я не услышала, потому что тут в спальню вошел Майло.

– Вам что-нибудь еще нужно, мадам? – спросила Винельда и положила роман на стол.

– Нет. Спасибо тебе, Винельда. И отдельное спасибо за книгу.

– Да не за что. Доброй ночи, мадам. И вам, мистер Эймс. Она вышла и затворила за собой дверь. Я обернулась к мужу:

– Мне весь вечер так хотелось остаться с тобой наедине.

– Ради этих слов я готов вечно тебя терпеть, – шутливо произнес Майло и притянул меня к себе.

– Я вовсе не это имела в виду.

– Как бы там ни было, но я уже сообщил Парксу, что сегодня он мне больше не нужен. А ты избавилась от Винельды...

– А что ты скажешь о том, что случилось за обедом?

– А кожа у тебя, милая, просто ледяная, – отметил он, поглаживая теплыми руками мои плечи.

– Да, здесь в доме очень холодно, – рассеянно отозвалась я. – Как думаешь, о чем собирается писать мисс Ван Аллен?

Майло вздохнул и отпустил меня.

– Не имею ни малейшего понятия. Мне как-то все равно.

– Там, должно быть, нечто такое, что утаивал от всех остальных Реджи. В какой-то момент показалось, что дело дойдет до драки.

– И ты, конечно же, наслаждалась всем этим, – заметил он, развязывая галстук и вынимая из манжет запонки. – Я хоть и сидел на другом конце стола, но физически ощущал

исходящее от тебя волнение.

– Что за глупости! Просто чувствовала себя не в своей тарелке.

Он улыбнулся:

– И тем не менее тебе было страшно интересно, верно? – Майло избавил меня от необходимости отрицать это утверждение, пройдя в соседнюю комнату и оставив дверь открытой.

– Изабель всегда нравилось устраивать скандалы, – слышался оттуда его голос. – Думаю, она привыкла загребать жар чужими руками и накалять обстановку в надежде накопить материал на новый роман, который принесет хороший доход.

– Нет, думаю, за этим стоит нечто большее. У нее есть тайна, которую она до сих пор хранила от всех.

– В тебе снова проснулись охотничьи инстинкты.

Мой инстинкт подсказывал, что следует проигнорировать это клеветническое утверждение. Майло может говорить и думать что угодно, но я не раз убеждалась: чутье меня обычно не подводит.

И вот я стала перебирать в памяти события этого вечера. Что именно вызвало у меня беспокойство? Ну, разумеется, сцена за обедом получилась малоприятная, но волновало меня совсем не это. Нечто другое, куда более необычное.

А потом я вдруг вспомнила.

– Мистер Робертс сказал сегодня одну очень странную

вещь, – заметила я. – Сказал, что может и не вернуться домой, никогда. Что, по-твоему, заставило его так думать?

Майло в пижаме и халате снова вошел в мою комнату.

– Возможно, вообразил, что ночью Изабель высосет из него всю кровь и он умрет.

Я улыбнулась:

– Как-то несправедливо, тебе не кажется?

– Ну разве что несправедливо по отношению к вампирам.

– Но у меня создалось впечатление, что здесь происходит нечто нехорошее...

– Может, ты и права, дорогая, только я не понимаю, какое это имеет отношение к нам.

Я вздохнула. Возможно, Майло прав. Возможно, я выискиваю опасность там, где ее нет. Как бы там ни было, пока тут сделать ничего невозможно.

Я залезла в постель и тут же пожалела об этом.

– Только вампир может вынести прикосновение этих простыней, – заметила я. – Холодные как лед.

– Тогда позволь мне согреть тебя. – Майло сбросил халат, откинул одеяла и нырнул в постель.

Потом притянул меня к себе, и вскоре я и впрямь согрелась.

Глава 5

Пробудилась я рано, а снова заснуть никак не получалось. В комнате было страшно холодно, вылезать из теплой постели совсем не хотелось, но возникло ощущение, что меня ждут неотложные дела. Во-первых, я еще не успела обсудить вчерашние события с Лаурель. Во-вторых, мне очень любопытно было узнать, что произойдет за завтраком.

Стоит ли разбудить Майло? Он спал мертвым сном, и я решила, что не стоит. Ему нет никакого смысла вскакивать чуть свет лишь потому, что встала я. Я пошла в ванную, умылась и оделась по возможности быстро, потому что и там царил леденящий холод; затем решила выбрать самую теплую одежду. И надела серый шерстяной костюм – плотно облегающий жакет и плиссированную юбку.

А затем спустилась вниз, готовая встретить наступающий день.

В комнате все было накрыто для завтрака, и я с удивлением обнаружила, что там никого нет, если не считать мисс Ван Аллен.

Она сидела за столом и что-то строчила в блокноте, а перед ней стояла чашка кофе. На лице мисс Ван Аллен застыло какое-то странное выражение – комбинация крайней сосредоточенности и глубокой тоски.

Я так и замерла в дверях, но тут она подняла голову, уви-

дела меня, и отступить было уже поздно.

– О, доброе утро, миссис Эймс.

Ни за что на свете не подумала бы, что Изабель Ван Аллен принадлежит к числу «жаворонков». Прежде мне казалось, что она из той породы женщин, которые предпочитают расхаживать в неглиже до полудня – получалось, на ее счет я ошиблась. С самого раннего утра она успела привести себя в порядок. На ней был черный элегантнейшего кроя костюм, а прическа и макияж просто безупречные. Особое внимание я обратила на прическу. Изабель пренебрегала модой на короткие стрижки и укладки – вместо этого носила шиньон, низко спускающийся на шею. Следовало признать, что гладко уложенные волосы очень ей шли. Словом, сама элегантность.

– Доброе утро, мисс Ван Аллен.

Я подошла к буфету – множество блюд на любой вкус. Я остановила свой выбор на яйце, тосте и фруктах, затем налила себе кофе из серебряного кофейника.

– Вижу, мы с вами первыми пришли к завтраку, обогнали всех остальных, – заметила я, усаживаясь за стол.

– В Кении я привыкла вставать рано, – отозвалась Изабель. – Просто обожала встречать там восход солнца. Пожалуй, нигде в мире нет более впечатляющего зрелища. Над горизонтом поднимается огромный оранжевый диск, и все вокруг оживает и расцветчивается яркими красками.

Взгляд ее был устремлен куда-то вдаль, в голосе слыша-

лись нотки нежности. Выражение лица – почти как у влюбленной женщины. Очевидно, она успела полюбить свою новую родину. И я опять удивилась: зачем тогда ей понадобилось возвращаться в Англию?

– Наверное, вы гадаете, зачем я сюда вернулась, – произнесла она, словно прочитав мои мысли.

Я улыбнулась:

– Ну, наверное, потому, что нет на свете места, сравнимого с родным домом.

Изабель рассмеялась, но в этом смехе было больше горечи, чем веселья.

– Ничего подобного, миссис Эймс. В Англии мне уже давно не нравится жить. Особенно зимой. Я ее просто ненавижу.

Ну, хоть что-то ее связывает с Десмондом Робертсом.

– Тогда зачем вы вернулись? Уж определенно вам не было никакой нужды приезжать в Лайонсгейт, чтобы написать новый роман. – Я сама от себя не ожидала, что задам такой вопрос, как говорится, в лоб. Впрочем, сама мисс Ван Аллен любила выражаться откровенно и прямо, и я не видела причин, мешающих мне делать то же самое.

Изабель посмотрела на меня, явно собираясь ответить на вопрос, но затем, видимо, передумала. И после паузы уклончиво произнесла:

– Я бы предпочла оставаться как можно дальше отсюда, но человек не всегда может следовать велению сердца, не правда ли? Нет, разумеется, – добавила она, ловко меняя тему, –

вам в этом смысле очень повезло, миссис Эймс. Майло произвел на меня впечатление преданного и заботливого мужа.

Поскольку она отсутствовала в Англии несколько лет, не думаю, что у нее были основания намекать на репутацию Майло как завязтого дамского угодника, а также на всем известные материальные проблемы нашей семьи.

– Мы очень счастливы, – вполне искренне ответила я. Эти последние несколько месяцев стали самыми радостными за все время нашего брака, и впервые за долгое время я поняла, что обрела в лице Майло надежную опору.

– Да, я это заметила. Я всегда считала, что лишь незаурядная во всех отношениях женщина может укротить Майло Эймса. Вам мои комплименты и поздравления.

То была довольно странная похвала, но, похоже, вполне искренняя.

– Спасибо, – улыбнулась я.

Изабель отпила глоток кофе.

– Было время, когда и я тоже надеялась обрести семейное счастье, но события зачастую принимают самый неожиданный оборот. – Произнесла она эти слова спокойно, без всякой горечи, и на сочувствие явно не напрашивалась. Я была уверена: такая женщина терпеть не может вызывать жалость у кого бы то ни было.

Надо признать, беседа наша приняла совсем не тот оборот, на который я рассчитывала. Все, что я до сих пор слышала о ней, никак не предполагало, что Изабель Ван Аллен

может мне понравиться. Теперь же что-то изменилось... Не то чтобы эта женщина вызвала у меня сострадание – она не из тех, кто напрашивается на него. И все же показалось, что она приоткрыла мне нечто такое, что обычно скрывала за маской невозмутимости и безупречного внешнего вида.

– Обрести счастье никогда не поздно, – заметила я.

Изабель посмотрела на меня, и этот взгляд, казалось, так и прожигал насквозь.

– Как вы считаете, миссис Эймс, люди должны расплачиваться за свои грехи? – спросила она.

Я колебалась, не зная, что ответить.

– Считаю, что грехи можно искупить, – ответила я после паузы.

Какая-то тень пробежала по ее лицу. Можно было бы принять это за презрение, если бы я не видела, какая глубокая грусть затаилась в ее глазах.

– Хотелось бы в это верить, – заметила Изабель и поднялась. – Но, увы, порой мне кажется, что уже слишком поздно. И я могу сделать лишь одно – подготовиться к расплате. Хорошего вам дня, миссис Эймс.

Она вышла из комнаты прежде, чем я смогла придумать хоть какой-то ответ. И вот я осталась одна. И принялась размышлять на тему того, за какие такие грехи должна расплачиваться Изабель Ван Аллен.

Плотно позавтракав, я решила навестить Лаурель, а уже

потом вытаскивать мужа из постели.

Кузина в шелковом халате ярко-золотистого цвета сидела перед камином и пила кофе, рядом на столике стоял на подносе недоеденный завтрак.

– Просто не в силах заставить себя спуститься вниз, – сказала Лаурель, когда я уселась напротив. – Нет уж, увольте, после того, что случилось вчера вечером... Просто тошнит при одном только воспоминании. Неужели и утром все будет так же ужасно?

– Очевидно, все испытывают те же чувства, что и ты. За завтраком были только мисс Ван Аллен и я.

– Бедняжка Эймори. Мы поступили жестоко, оставив тебя наедине с этой особой. Я непременно буду за ленчем, обещаю. Она была просто невыносима, да?

– Ничего подобного. Она очень интересная личность, – задумчиво произнесла я. – Послушай, Лаурель, можешь рассказать, что произошло той ночью?

Она не стала спрашивать, какую ночь я имею в виду. Какое-то время сидела молча, затем отодвинула чашку с блюдцем и еще плотней укуталась в халат.

– Честно скажу, не знаю, – проговорила она наконец. – В этом-то и есть самое ужасное. Похоже, никто толком не знает, что именно произошло. Может, все могло бы сложиться иначе, если бы мы сами вели себя по-другому.

Голос ее стих, а я терпеливо ждала продолжения, давая ей время собраться с мыслями.

– Это случилось после одной из долгих вечеринок. С окончанием уик-энда почти все уже уехали в Лондон, осталась совсем небольшая компания. Время было послеобеденное. Все мы пребывали в возбужденном состоянии и жаждали приключений. Кто-то – теперь уже не помню, кто именно, – предложил пойти на озеро и покататься на лодках. И нам показалось, это блестящая идея. Но потом мы обнаружили, что вода вдоль всего берега замерзла, и отправились в летний домик. Кто-то развел огонь. И еще там был фонограф, кажется, его притащила Изабель. Там еще стоял такой маленький письменный столик. И она ходила туда писать. Еще тогда. Мы танцевали, хохотали. Ну и еще там было довольно много выпивки... и всякого другого.

– Наркотиков?

– Да. Ты знаешь, я никогда не интересовалась такими вещами. Но если честно, наверное, я позволила себе немного лишнего в тот уик-энд, сама от себя не ожидала. Еще выпила бокала два вина и вскоре после этого решила вернуться в дом. Прошла в свою спальню и уснула. И только утром узнала, что случилось что-то страшное. Я как раз спустилась к завтраку, как вдруг услышала Фриду. Она бежала от летнего домика и кричала. Знаешь, до сих пор в кошмарных снах слышу этот ее крик.

Так, значит, тело обнаружила Фрида Коллинз, последняя гостя, которая должна была прибыть завтра вместе со своим мужем Филиппом. Фрида – единственная из всей этой

компании, с кем я была знакома, не считая, разумеется, Лаурель. Мы вместе учились в школе, но со дня трагедии я с ней не виделась и не говорила. Интересно, подумала я, зачем ей понадобилось выходить на улицу тем ранним холодным утром, тем более после бурно проведенной ночи?

– И все мы выбежали из дома узнать, что случилось, – продолжила Лаурель, – сбежались из разных концов дома и комнат, уж очень страшно и пронзительно она кричала, выла прямо как сирена. У Фриды была истерика, она указывала на летний домик. Все мы бросились туда и...

Тут Лаурель умолкла, и я дала ей время успокоиться и собраться с мыслями.

– А потом мы нашли его мертвым в снегу, – тихо пробормотала она. – Это было ужасное зрелище, Эймори. Он был... белый-белый. И глаза открыты и смотрят в никуда. И такое жуткое выражение лица...

Лаурель содрогнулась. Она до сих пор не оправилась от случившегося.

– Прости, дорогая. Если не хочешь больше об этом говорить...

Она упрямо покачала головой:

– С тех пор прошло много времени. Наверное, мне следовало рассказать об этом раньше.

– Ну и что же было потом? – спросила я.

– Врача вызвал Гаррет. Вроде бы он же позвонил в полицию. Он был единственный из нас, кому удавалось сохранить

хладнокровие.

Мне показалось немного странным, что мистер Уинтерс с мечтательным взглядом был единственным, кто сохранил присутствие духа и догадался вызвать представителей власти.

– И все собрались там, где нашли тело?

– Ну... вроде бы да. Фрида осталась в доме, ей стало плохо. Филипп пошел присмотреть за ней. Помню, что Брэдфорд отвернулся и его вырвало. Беатрис догадалась принести из летнего домика одеяло и прикрыла им Эдвина. Все остальные просто стояли и ждали, когда приедет доктор.

– Который сказал, что причина смерти – наркотики и переохлаждение?

– Да, такой он сделал вывод. Ну и все мы тоже так думали, до тех пор пока...

Пока Изабель Ван Аллен не написала книгу.

– Мисс Ван Аллен обвинила Брэдфорда Гленна в убийстве, и вскоре после этого он покончил с собой. Как тебе кажется, он и впрямь мог убить Эдвина Грина? – спросила я.

Лаурель покачала головой, словно отгоняя неприятные видения, затем попробовала ответить на мой вопрос:

– Нет, не думаю. Вообще я не слишком хорошо была знакома с этими людьми. Нельзя по-настоящему узнать человека, проведя с ним всего один уик-энд, но я не считаю, что он на такое способен. Лично на меня он произвел впечатление очень доброго человека. Уж куда добрее всех остальных.

– В каком смысле лучше?

– Ну, даже не знаю, как объяснить. Так, всякие мелочи, которые я замечала. Ну, например, он, в отличие от остальных, очень вежливо говорил с прислугой. Хорошо относился к Линди, хотя другие ее просто игнорировали. Словом, был воспитанным и приятным во всех отношениях человеком, даже когда это от него и не требовалось.

Довольно сомнительное утверждение, я и сама часто попадалась на эту удочку. Я знала довольно много людей, которые мнили себя филантропами, но за закрытыми дверями, там, где никто не мог оценить их благостности, превращались в самых настоящих чудовищ.

– И все же... – начала она, – было в нем нечто такое...

Я ждала продолжения.

– Это трудно объяснить, – произнесла наконец Лаурель, – но мне показалось, было что-то странное и неискреннее в том, как он заискивал перед Беатрис. Прямо раболепствовал перед ней.

– Это ты о чем?

Кузина снова замешкалась.

– Точно не знаю, не скажу. Ведь все это было так давно, и я очень старалась забыть, выбросить все из головы. Дело в том, что, когда рядом никого не было, он не слишком старался показать, что Беатрис ему не безразлична. Впечатление было такое, словно он бросал вызов Эдвину Грину, устраивал ради этого настоящее шоу. Впрочем, я не слишком хорошо его

знаю, а потому могу ошибаться.

Но я сомневалась. Лаурель отлично разбиралась в людях.

– А ты помнишь, кто последний видел Эдвина Грина в живых?

– Должно быть, Брэдфорд. Они тем вечером передрались, и все позже говорили, что в летнем домике остались только эти двое. Наверное, поэтому Изабель и решила, что именно Брэдфорд его убил. Оба они были влюблены в Беатрис, понимаешь?

Я удивилась ее словам, хотя прежде и слышала о предполагаемой связи Беатрис с этими двумя мужчинами. Однако, увидев Беатрис Лайонс Клайн, никогда бы не подумала, что она того типа женщина, ради которой мужчины готовы убивать друг друга. И в этом моем предположении не было ничего унижительного. Просто мне казалось, что из-за такой сдержанной и холодной на вид женщины не могли разыгаться столь бурные романтические страсти. На роль роковой красавицы гораздо больше подходила Изабель Ван Аллен, загадочная и чувственная. Хотя, разумеется, сердцу не прикажешь, и тут ничего предугадать нельзя.

– А Изабель и Брэдфорд были в хороших отношениях? – спросила я.

Кузина пожала плечами:

– На первый взгляд да. Но я же говорила, никого из них я хорошо не знала. Хотелось бы знать больше, но в ту пору я была в этой компании чужаком, – пояснила она. – Что, ра-

зумеется, не помешало мне составить определенное мнение о каждом. И одни нравились мне больше других, но ни за что бы не подумала, что кто-то из этих людей способен на убийство.

– Возможно, Изабель просто не понимала, какой эффект вызовет ее книга. Возможно, она никому не хотела причинить вреда, – заметила я, хотя сама не слишком-то в это верила.

Лаурель, похоже, разделяла эти мои сомнения. Подняв голову, она взглянула на меня с мрачным видом.

– Думаю, нынешний ее визит доказывает совсем обратное.

И, разумеется, она была права. Да Изабель сама призналась в том, что приехала сюда заставить кого-то расплатиться за грехи.

– Сама я не против нового скандала, – призналась Лаурель. – Но меня ужасно беспокоит Реджи. Нервы у него совсем расшатались. И вообще после войны он стал совсем другим человеком. А потом случилась эта ужасная история, и я испугалась, что он так и не придет в себя. Я очень надеялась, что он уедет куда-нибудь и забудет все это. И думала, что все случившееся в Лайонсгейте осталось позади, но, похоже, от прошлого убежать невозможно.

– Да, – задумчиво протянула я. – Изабель Ван Аллен высказала точно такую же мысль.

Вернувшись к себе в спальню, я очень удивилась, обнару-

жив, что Майло не только встал с постели, но и куда-то исчез. Постель была не застлана, так что, скорее всего, ушел он совсем недавно. Может, спустился к завтраку, рассчитывая найти меня там, а я в то время сидела в комнате у Лаурель.

В его спальне я уловила какое-то движение и пошла посмотреть. Там был Паркс, лакей Майло, он чистил туфли хозяина. Паркс всегда очень усердно исполнял свои обязанности. Майло называл его занудой, но ценил за то, что он столь тщательно следил за его внешним обликом.

– Доброе утро, мадам, – поздоровался он. – Могу чем-то помочь?

– Доброе утро, Паркс. Вы видели мистера Эймса?

– Он вышел буквально пятнадцать минут назад, мадам. Был одет для верховой езды.

Так, значит, одет для верховой езды?.. А мне и слова не сказал, что собирается на прогулку.

– Спасибо.

Я прошла обратно в свою комнату и затворила дверь. Я немного обиделась на Майло за то, что оставил меня одну. Хотя развлечь саму себя я всегда была вполне способна.

Словом, я решила провести утро за чтением романа «Жертва зимы».

Уселась в кресло перед камином и открыла книгу.

«Призраки мертвых бродят среди нас, их дыхание окутывает все густым туманом. От их беззвучного шепотка по спине пробегают мурашки. Они молят о том, чтобы их исто-

рии поведали. И нет ничего холоднее дыхания того, кто стал жертвой зимы».

Изабель Ван Аллен несомненно обладала драматургическим талантом. Что ж, это может оказаться забавным и даже полезным.

Глава 6

Я прочла пять глав и отложила книгу. Она оправдала мои ожидания. В ней были выведены разнообразные действующие лица в трагедии об Эдвине Грине, причем описаны они были просто блестяще. Даже я, весьма поверхностно знающая всех участников драмы, без труда могла определить, кто есть кто, – с такой точностью Изабель Ван Аллен обрисовала всех присутствующих в тот роковой уик-энд в имении Лайонсгейт. Единственным прикрытием для них служили псевдонимы.

Нет, разумеется, я бы не причислила эту книгу к шедеврам литературного искусства, но написана она была весьма занимательно. Теперь я понимала, почему роман вызвал такую сенсацию, ибо он был насыщен пикантными и даже непристойными подробностями, да и сюжет закручен лихо, что заставляло читателя продолжать переворачивать страницы с целью узнать, что же произойдет дальше.

Как и говорила Винельда, там было много сцен, от которых просто брови лезли на лоб. Однако я подозревала, что книга могла произвести на читателей больше впечатления именно тогда, когда была написана. Теперь же, зная участников этих событий, я чувствовала, что все эти истории относятся к совсем другому времени и образу жизни. В ту пору молодые люди отличались большей неосмотрительно-

стью. Нет, разумеется, если эта неосмотрительность привела к убийству, то это совсем другое дело.

Я спустилась вниз. Близилось время ленча, и мне не хотелось, чтобы прочитанное мной как-то повлияло на оценку и восприятие гостей, которых предстоит увидеть.

Когда я вошла в обеденную залу, ни Изабель Ван Аллен, ни Десмонда Робертса там не было, и я испытала некоторое облегчение. Я полагала, что самые интересные события развернутся вечером, за обедом, и надеялась, что ленч пройдет спокойно.

Ко мне сразу подошел Реджинальд Лайонс.

– Хочу принести вам свои извинения, миссис Эймс, – тут же выпалил он. Видимо, он стеснялся скандальной сцены, что разыгралась здесь накануне вечером, и я была этому рада.

– Но вам совершенно не за что... – начала было я.

– Нет, есть за что. Вчера мы вели себя просто безобразно. Не важно, какие чувства я тогда испытывал, но как хозяин просто не имел права выпускать ситуацию из-под контроля. Хочу заверить вас, что ничего подобного больше не повторится.

– Я так поняла, что накал страстей был очень высок. Наверное, мы с мужем выбрали не слишком удачное время для визита. Если вы считаете, что все наладилось, оставаться нам здесь больше не за чем.

– Нет, прошу вас, пожалуйста, не уезжайте, – к моему облегчению, торопливо возразил он. – Я просто счастлив видеть вас здесь, в Лайонстейте.

– Ну, что же, хорошо, если вы так уверены, – пробормотала я.

– Да, да, совершенно уверен! – воскликнул Реджинальд, усердно изображая гостеприимного хозяина. – А теперь прошу к столу. Ленч просто отличный. Ваш супруг скоро к нам присоединится, верно?

– Не уверена, – ответила я и взяла тарелку, которую он мне протягивал, чтобы наполнить ее едой. – Я не видела мужа с раннего утра. Насколько понимаю, он отправился на конную прогулку.

– Должно быть, это Линди утащила его за собой, – предположил Реджи. – Очень упертая девушка, уж если что воьет себе в голову, сопротивляться ей почти невозможно.

– Просто Майло любит верховую езду, – с милой улыбкой заметила я. А про себя добавила: он всегда делает только то, что хочет, и влиять на него бесполезно.

Тут к нам присоединилась Лаурель, а затем появился и мистер Уинтерс. Беатрис Клайн так и не вышла, и я решила, что она предпочитает съесть ленч у себя в комнате.

Мы уселись за стол, беседа была легкой и непринужденной. Я с облегчением отметила, что обстановка значительно разрядилась ввиду отсутствия самой провокационной гостьи. Что, впрочем, не мешало всем нам вспоминать о ней.

– Наверняка узнала что-то новенькое, вы согласны? – заметил вдруг мистер Уинтерс. И мы все прекрасно поняли, о ком идет речь.

Реджи резко поднял голову, словно ждал, что тема Изабель непременно всплывет.

– Но что такого она могла узнать? И что именно ищет? – спросил он. Было видно, что он нервничал, но изо всех сил старался держать себя в руках.

– Наверное, она и сама этого не понимает, – предположил мистер Уинтерс. – Возможно, приехала сюда с целью обнаружить что-то.

Реджи промолчал, и за столом повисла неловкая тишина.

И тут нас избавил от необходимости искать новую, менее взрывную тему для беседы не кто иной, как Хенсон.

– Прибыли мистер и миссис Коллинз, сэр, – объявил с порога он.

– Вот и отлично. – Реджи быстро поднялся, бросил салфетку на стол. – Уже иду.

Он направился к двери, Лаурель тоже поднялась из-за стола.

– Я с вами.

Полагаю, у всех оставшихся разом пропал аппетит. Мы потянулись следом, оставив за столом только Гаррета Уинтерса, который устался в свою тарелку.

Не успели мы оказаться в нижнем холле, как до нас донесся голос Реджи. В нем отчетливо слышалась вымученная

веселость.

– Приветствую, Фрида. Добрый день, Филипп. Рад, что вы наконец выбрались.

Мы вышли в холл поприветствовать новых гостей.

– Миссис Эймс, – произнес Реджи, – позвольте представить вам мистера и миссис Коллинз.

– А мы уже знакомы, – сказала Фрида Коллинз, направляясь ко мне. – Как поживаешь, Эймори?

– Привет, Фрида. – Я тепло пожала ей руку. – Страшно рада видеть тебя.

– Да, давненько мы не виделись. Столько воды утекло.

Фрида Коллинз, в девичестве Фрида Молхаус, училась со мной в одном классе. И мы очень с ней тогда дружили. Наши родители не принадлежали к числу слишком заботливых и любящих, и эта дружба хотя бы частично это возмещала. У Фриды был старший брат Мэтью, и она страшно по нему скучала. Когда он погиб на войне, я по мере сил старалась ее утешить.

И после школы мы поддерживали отношения, переписывались, встречались на разных светских мероприятиях. Когда жених Фриды вернулся из Франции, она пригласила меня на свадьбу и попросила стать подружкой невесты. Но по стечению трагических обстоятельств свадьба эта так и не состоялась. Ее жених скоропостижно скончался, и после этого она как-то отдалилась от нашего круга. А потом встретила нынешнего своего мужа, Филиппа Коллинза.

Мистер Коллинз приехал в Лондон из Южной Африки, и за ним тянулся целый шлейф самых неприглядных слухов. Сама я не слишком склонна им верить. Ведь и репутация моего Майло тоже была далеко не безупречна. Однако в сплетнях и слухах о мистере Коллинзе определенно просматривался некий темный подтекст.

Возможно, именно это повлияло на мое к нему отношение. Но при первом же взгляде на жесткое лицо этого мужчины я как-то сразу невзлюбила его. И доверием не прониклась.

– Эймори, позволь познакомить тебя с моим мужем. Филипп Коллинз.

– Как поживаете? – спросила я.

Он лишь кивнул в ответ, лицо оставалось безучастным. Может, я тоже не понравилась ему с первого же взгляда. Если так, то наши чувства взаимны.

При взгляде на Филиппа сразу становилось ясно: за этими холодными голубыми глазами кроется нечто зловещее. Внешне он не производил впечатления грубого и сильного мужчины. Но тем не менее было в нем что-то угрожающее. Готова побиться об заклад – каждому из тех, кому довелось столкнуться с ним, инстинктивно хотелось отступить хотя бы на шаг. Но, разумеется, то могло быть лишь плодом моего воображения.

– О, Лаурель, – Фрида обернулась к моей кухне. – Как приятно видеть тебя снова!

Фрида улыбалась, но я чувствовала: здесь явно что-то не так. Улыбка предназначалась для того, чтобы замаскировать страх. И я сочла, что и моя бывшая школьная подруга тоже нервничает и гадает, зачем Изабель Ван Аллен настаивала на ее приезде. Винить ее за это было нельзя, ибо причины для беспокойства имелись.

Все же странно, подумала я, что все участники того рокового уик-энда по своей доброй воле согласились приехать в Лайонсгейт, и это несмотря на мрачные воспоминания. Интересно, какой же властью обладает над ними Изабель Ван Аллен, какие секреты они готовы раскрыть в обмен на защиту от подозрений?..

Тут ход моих размышлений прервался. Дверь снова распахнулась, и в холл вошли Майло и Люсинда в костюмах для верховой езды. Люсинда весело смеялась, глаза сияли, светлые волосы растрепались от ветра. Увидев всех нас в холле, они резко остановились.

– О, приветствую всех. Извините за то, что мы пропустили ленч, – сказала она. – Но наша прогулка была столь увлекательна, что мы потеряли счет времени.

– Гм... что ж. Как видите, прибыли новые гости, – произнес Реджи.

Реджи принялся знакомить новоприбывших, и от моего внимания не укрылось удивленное выражение на лице Фриды, когда я объяснила, что красивый джентльмен, участник увлекательной конной прогулки с Люсиндой Лайонс, явля-

ется моим мужем.

Но вот знакомство состоялось, чету Коллинзов провели вверх показывать комнаты, Лаурель и Люсинда прошли в обеденный зал, а я стала подниматься к себе. Хотела почитать книгу, пока есть время – до пятичасового чая.

На полпути меня догнал Майло.

– Чем занималась все утро, любовь моя? – спросил он.

– Читением наряду со всем прочим, – ответила я и ускорила шаг. – Как прогулка?

– Просто замечательно. Имение у него огромное. И лошадей они мне дали чудесную.

– Что ж, рада за тебя. В обеденном зале накрыт ленч. Тебе не мешало бы поесть. Если и дальше будешь предпочитать верховую езду еде, растаешь, как свечка.

– Ерунда. Сельский воздух полезен для здоровья.

– Похоже, что так. Ты вообразил, что снова юн.

– Ну, знаешь ли, дорогая, стариком меня не назовешь. Я в самом расцвете сил, – возразил Майло.

– И все равно, не так уж и молод, как тебе кажется.

Он рассмеялся и подхватил меня под руку, помогая преодолеть следующую ступеньку. Я обернулась и взглянула на мужа. Он стоял ступенькой ниже, и лица наши оказались почти на одном уровне.

– Ты ведь не возражаешь против моих конных прогулок?

– Ну, конечно же нет, – мягко и совершенно искренне ответила я. Да и Люсинде Лайонс тоже не мешает развлечься.

Оставалось лишь надеяться, что внимание Майло не создаст у нее превратного впечатления. Только этого нам не хватало – чтобы одинокая и очень хорошенькая девушка влюбилась в моего мужа.

– В любом случае я предпочел бы прогуляться с тобой, – заверил Майло. – Может, поедешь со мной завтра?

– Если хочешь.

– Разумеется, хочу! Ты гораздо лучшая наездница, чем мисс Лайонс. Кроме того, мне очень нравится, как ты выглядишь в брючках для верховой езды. – Он поцеловал меня в губы, затем похлопал ниже спины, понуждая подниматься дальше по лестнице.

Но прежде чем я сделала шаг, послышались голоса. Я сразу узнала их – Изабель Ван Аллен и Десмонд Робертс. Должно быть, только что вышли из своих комнат. Мы остановились на лестничной площадке и не успели свернуть в коридор.

Сразу стало понятно, что разговор их носит сугубо личный характер, и о своем присутствии было уже поздно объявлять, не вызвав смущения у этой парочки.

– И все равно не понимаю, – проговорил мистер Робертс. – Почему мы должны соблюдать такую секретность?

– Ах, Десмонд, не утомляй.

– Ты вечно обращаешься со мной как с малым ребенком, – недовольным тоном протянул Десмонд, но это не помогло переубедить ее.

– Мне не нравится, когда ты упрямишься, котик мой, – заметила Изабель. – Тебе прекрасно известно, что никто не прочтет эту книгу до тех пор, пока я не отправлю ее своему издателю. В том числе и ты.

Я взглянула на Майло. Тот вопросительно приподнял бровь.

– Не понимаю, чем я заслужил такое отношение. И это после того, через что нам довелось пройти вместе! После того как мы поняли, что значим друг для друга...

– Я прекрасно понимаю, как много ты для меня значишь, но это не меняет ситуации.

– Но должно! – воскликнул Десмонд. – Это должно менять все!

Тут Изабель снова заговорила, и из голоса пропала прежняя ласковая интонация.

– Слушай меня внимательно, – жестко сказала она. – Я устала от твоего нытья и бесконечных просьб. И заруби себе на носу: это я вытащила тебя из грязи, сделала человеком. Так что ничем больше тебе не обязана.

– Я не позволю ни тебе, ни кому-то другому указывать мне, что я должен и что не должен делать! Ясно тебе?

Десмонд произнес эти слова столь убедительно, что она сразу пошла на попятный. И прежней злобы в голосе уже не было слышно:

– Ну не куксись так, мальчик мой. Очень скоро ты все узнаешь. Все узнают.

– Да, но прошу тебя, Изабель, пожалуйста. Я... ты только не сердись на меня. Я тебя обожаю. И ты это знаешь.

– Конечно, знаю, – ласково подтвердила она. – А теперь возвращайся в мою спальню, Десмонд.

Видимо, он повиновался – я услышала, как хлопнула дверь, и воцарилась тишина.

– Заходите ко мне в гости, сказал паук мухе, – шепотом процитировал Майло.

– Она довольно жестоко обращается с этим мальчиком, – отозвалась я.

– Он уже не ребенок. Должен понимать, что делает.

– Уж не знаю, что он там делает, – задумчиво протянула я. Мне показалось, что Десмонд Робертс отчаянно влюблен в женщину, для которой почти ничего не значит.

– Похоже, что боевой дух он утратил, – заметил Майло. – Сдается мне, ему совсем не нравится быть ее «котиком», но из ее когтей так просто не вырваться. Пустила глубоко. Что ж, он не первый. Она всегда славилась тем, что умела подчинять мужчин своей воле. Лично я нахожу это просто омерзительным.

Теперь я понимала, почему Майло не поддался чарам этой женщины. Даже в молодости он не хотел быть просто одним из ее обожателей, бездумно и в порыве страсти бросать сердце к ее ногам. Страстное и слепое обожание вообще было не в его характере. Он ведь сам привык быть в центре внимания. И попадать в орбиту, и вращаться вокруг чьей-то дру-

гой звезды ему явно не по душе.

По дороге к своей комнате я никак не могла избавиться от тревожного ощущения. Меня беспокоил разговор, который мы невольно подслушали, и я внезапно поняла, в чем тут дело. Десмонд Робертс потерял голову от любви к Изабель Ван Аллен, но в его голосе звучала не только любовь. В нем отчетливо слышался гнев и еще – отчаяние.

А сочетание этих чувств частенько грозит опасностью...

Глава 7

Я одевалась к обеду с ощущением, что иду на экзекуцию, а не на вечернюю трапезу в загородном поместье.

Я не понимала, как относиться к Изабель Ван Аллен и к тому ее разговору с мистером Робертсом, который удалось подслушать. Почему она держит книгу втайне от своего секретаря? Понятно, что он не мог оценить это произведение с профессиональной литературной точки зрения, но, с другой стороны, она вроде бы доверяла ему, как никому другому.

Изабель говорила мне, что не всегда возможно следовать велению сердца. Что имела в виду? Зачем вернулась сюда после семилетнего отсутствия? Зачем понадобилось ей созывать участников той роковой вечеринки?

Я мучилась догадками и никак не могла понять ее мотива. Очевидно, мисс Ван Аллен плевать на мнение окружающих, но я не считала, что ею движет исключительно злоба. Если бы только это, она могла бы вернуться давным-давно. Или же спокойно писала свою книгу в уютном доме в Кении, а красавчик мистер Робертс послушно бы ее перепечатывал. Она ухитрилась бы раздуть скандал на полмира, если бы ставила перед собой только эту задачу.

Нет, какой-то другой мотив заставил ее приехать в Лайонсгейт и собрать здесь всю эту публику. По некоей непонятной мне пока причине Изабель хотела вернуться на место

трагедии и посмотреть в глаза ее участникам. Возможно, она сама ищет какие-то ответы на свои вопросы?

Может быть, сегодня мы все это узнаем.

– Ты чем-то опечалена, дорогая? – заметил Майло. Он вошел ко мне в комнату, завязывая галстук. – Ну, что тебя беспокоит?

– Сама не знаю, – ответила я. – Что-то здесь не так, и я никак не могу понять, что именно. Очень странно, что Реджи Лайонс позволил собрать всех здесь. Да и почему они согласились приехать? На их месте я ни за что не решилась бы снова ступить на эту землю.

Майло пожал плечами.

– Да, неприятно, конечно, но, с другой стороны, нет причин, по которым все должны до конца своей жизни избегать приезда в Лайонсгейт. Не думаю, что это загородное имение единственное во всей Англии, где когда-то кто-то умер. Одному Господу известно, сколько людей умерло у нас в Торнкресте.

Это была не слишком утешительная мысль – надеюсь, что она не придет мне в голову при следующей поездке в наш загородный дом.

– Как бы там ни было, – продолжил он, – не следует забывать, сколько мужчин погибло на войне и сколько женщин потеряли своих мужей, сыновей и братьев. Поэтому смерть, пришедшая в дом, – явление, увы, весьма распространенное.

– Ты прав, – кивнула я, – но это доказывает и мою правоту

тоже. Здесь нечто другое. Если бы то был просто ужасный несчастный случай, он бы не произвел столь удручающего впечатления.

– Почему бы тебе не спросить кузину?

– Да я спрашивала. Ей мало что известно о случившемся. Лорел никого из их компании не знала достаточно близко. Тогда ее лишь недавно пригласили в этот круг. Поэтому едва ли она знала все, что там происходило.

– В любом случае не наша это забота, – заметил Майло. Он, как всегда, мало интересовался тем, что его не касалось. – Пусть себе цапаются друг с другом. Хоть вино здесь подают приличное, и то слава богу.

– Послушай, Майло, не мешало бы относиться к этому хоть немного серьезнее.

– Однако я серьезно говорю, дорогая. А ты крайне внимательна к людям, которые совершенно чужды нам. И я не понимаю, почему тебя должно волновать все это.

– Но я...

– Да, дорогая, знаю, – кивнул Майло. – Ты привыкла совать свой хорошенький курносый носик в дела, которые тебя не касаются.

Я нахмурилась.

– Почему? Очень даже касаются. Это касается Лаурель, а она не только моя кузина, но и близкая подруга.

– Но ведь ты сама только что говорила, что Лаурель почти не имеет к этому отношения.

– Не важно. Она до сих пор под впечатлением. А если будет опубликована вторая книга, последствия могут быть самыми разрушительными.

– Думаю, все не так плохо, как тебе кажется, – заметил Майло.

Мне оставалось лишь надеяться, что муж прав.

– И еще я очень сержусь на мисс Ван Аллен. Какое право она имеет делать всех людей вокруг несчастными?

– Что ж, посмотрим, что за спектакль она разыграет сегодня за обедом.

Я вздохнула:

– Похоже, выбора тут у нас нет.

Усаживаясь на свое место в обеденном зале, я пыталась бороться с предчувствием, что вчерашнее представление повторится. Все та же компания, только теперь к ней присоединились еще двое гостей, Фрида и Филипп Коллинз, – а в остальном все было, как вчера.

Я опасалась, что события будут развиваться тем же взрывоопасным образом, как и на вчерашнем обеде. Однако Реджи Лайонс, видимо, твердо вознамерился исполнить свое вчерашнее обещание не выпускать ситуацию из-под контроля. Он сдержанно кивнул Изабель, когда она вошла в комнату, и та ответила ослепительной улыбкой. Похоже, эти двое намеревались соблюдать хотя бы внешние правила приличия.

Однако мы все же ждали какого-то продолжения. И мало

кто сомневался, что в самом скором времени Изабель сделает очередное заявление.

Я всматривалась в лица гостей. И хотя все они дружно старались сделать вид, что ничего особенного не происходит, в воздухе отчетливо улавливалось напряжение. Фрида Коллинз чувствовала себя явно не в своей тарелке – наверно, потому, что вчера вечером ее здесь не было и она просто не знала, чего ожидать. Или же ее посветили в события вчерашнего вечера, и потому она нервничала. На лице ее мужа читалось все то же выражение рассеянного презрения, возникшее в момент появления в доме. А какие он при этом испытывал чувства – знать было не дано никому.

Я понимала, что Изабель нравится держать всех в напряжении – гости в буквальном смысле слова сидели на самых краешках стульев и гадали, что же выкинет эта особа сегодня. И снова я решила, что здесь есть еще много тайн, пока не всплывших на поверхность. А иначе почему все они так нервничают?

Но вот трапеза закончилась, десертные тарелки убрали со стола. Я думаю, Изабель просто хотелось сохранить интригу, поэтому она и позволила гостям мирно насладиться вкусной едой.

– Насколько я понимаю, для вас стало настоящим шоком мое вчерашнее заявление за обедом, – начала она. – Боюсь, я слишком увлеклась, эмоции захлестнули. Я вовсе не намеревалась устраивать такую сцену.

Однако это высказывание нас не убедило. Изабель просто упивалась напряжением, сгустившимся в воздухе, мы же ловили каждое ее слово.

– Больше всего на свете я желала бы остаться в Кении до конца своих дней, просто совесть не позволила мне этого сделать.

Я почувствовала, как Майло, сидевший в другом конце комнаты, выразительно закатил глаза.

– Совесть? – воскликнула Беатрис. – С каких это пор у вас вдруг появилась совесть, Изабель?

Изабель проигнорировала этот вопрос и продолжала все тем же ровным тоном:

– Мне нелегко это говорить, вы уж поверьте. Но пришло время сказать все открыто. А именно: теперь я верю в то, что Брэдфорд Гленн не виновен.

Эти слова все встретили с большим изумлением.

– Как мило с вашей стороны заявить такое, и это после того, как он покончил с собой из-за вас, – с горечью произнесла Беатрис.

Изабель продолжила, словно и не слышала Беатрис:

– Я поверила в его невиновность после того, как услышала о его предсмертной записке. В ней он писал не о вине, а о любви. Может, они с Эдвином и ненавидели друг друга, но Брэдфорд не имел никакого отношения к смерти Эдвина той ночью.

– Мы и без того знаем, что произошел несчастный слу-

чай, – заметил Реджи Лайонс. В его голосе, в отличие от сестринского, никакой горечи не чувствовалось. Скорее то было чувство облегчения – так мне, во всяком случае, показалось.

– Я совсем не это имела в виду, Реджи, – заметила Изабель.

– А что же вы имели в виду, мисс Ван Аллен? – осведомилась Линди Лайонс. И попыталась при этом изобразить самый незаинтересованный тон.

Изабель взглянула на нее, потом обернулась к Гаррету Уинтерсу:

– Вчера вечером вы спросили меня, с какой стати кто-то из вас вдруг захочет мне помочь.

Он, сидя напротив, смотрел на нее с самым непроницаемым видом.

– Да с такой, что один из вас знает правду. И мне бы тоже хотелось ее узнать. Вот и скажите.

– Правду? – воскликнула Беатрис. – Это вы о чем? С каких пор вас стала заботить правда?

– Я пришла к выводу, что Брэдфорд убил Эдвина, лишь на основе свидетельских показаний. Эти двое ненавидели друг друга, чуть раньше тем же вечером даже подрались и остались вдвоем в летнем домике, когда все остальные ушли. А перед уходом все видели, что Эдвин лежал там без сознания. Ну а наутро его нашли мертвым во дворе на снегу. Как он там оказался?

– Он очнулся, – сказала Фрида. – Очнулся и попытался

дойти до главного дома.

Фриду сотрясала дрожь, я видела это со своего места. А вот ее муж, похоже, был сделан из камня. Только глаза мрачно горели при взгляде на Изабель.

– Нет, я так не думаю, – возразила Изабель. – Видите ли, помимо предсмертной записки Брэдфорд оставил еще и письмо, адресованное мне.

Все молчали, точно громом пораженные. Я оглядела стол. Взоры всех присутствующих, кроме мистера Уинтерса, были устремлены на Изабель. Тот опустил глаза и смотрел в тарелку.

Как обычно, первой очнулась Беатрис.

– И что же было в этом письме? – спросила она.

– С учетом всех обстоятельств то было очень доброе письмо, – ответила Изабель. – Там говорилось, как он страдал все эти годы и хотел освободиться от мук. Он также написал, что не является убийцей. «Возможно, Эдвин тоже хотел освободиться, – писал он. – Погибнуть, но только не от моей руки».

Все молчали и ждали продолжения.

– Поэтому я и обращаюсь к вам за помощью, – пояснила Изабель. – Кто-то из вас знает правду. И я узнаю ее, это лишь вопрос времени.

– Какого черта? Я так и не понял, на что ты намекаешь, – воскликнул Реджи.

Мисс Ван Аллен осмотрела присутствующих. Теперь ничего похожего на тихую грусть, какую я видела накануне за

завтраком, в ее взгляде не наблюдалось. На бледном лице глаза горели гневным огнем и, казалось, так и прожигали насквозь.

– Я хочу сказать, что Эдвин Грин был действительно убит. И если Брэдфорд невиновен, значит, убил его кто-то из вас.

– Сдается мне, что Изабель ошиблась с призванием, – заметил Майло, вынимая запонки из манжет в моей спальне. – Из нее с этой склонностью к напыщенной театральности могла бы получиться превосходная актриса.

Как и вчера вечером, Изабель, сделав это скандальное заявление, извинилась и вышла из комнаты, оставив нас в полном замешательстве.

На Майло этот спектакль, разыгранный мисс Ван Аллен, не произвел впечатления, чего никак нельзя было сказать об остальных. Со всех сторон посыпались самые жаркие отрицания. Реджи и Беатрис сошлись во мнении, что Изабель лжет, фабрикует еще одну сказку ради своей второй книги. Но я отчетливо ощущала, что всеми присутствующими овладел страх.

– Все это лишь приведет к новым неприятностям, – с тревогой произнесла Лаурель, когда мы выходили из залы. – Боюсь, что теперь случится что-то ужасное.

Я разделяла тревогу моей кузины, поскольку ничего хорошего из заявления о том, что один из гостей Лайонстейта является убийцей, выйти явно не могло. Неужели такое воз-

можно? Или же Изабель снова пытается использовать трагедию в своих интересах?

– Ты и правда считаешь, что Эдвина Грина убил кто-то другой? – спросила я мужа.

– Ты, наверное, забыла, дорогая, что смерть мистера Грина была официально признана жюри коронеров несчастным случаем. – Майло небрежным жестом швырнул обеденный пиджак на стул, что, несомненно, должно было вызвать крайнее неодобрение Паркса. – Изабель только и мечтает о том, чтобы устроить сцену.

– Но зачем Изабель вернулась? Разве не для того, чтобы что-то разузнать?

– Она пишет новую книгу, хочет внести в свой труд нечто новое, ей нужна свежая пища для измышлений. И нет лучше способа получить ее, чем вернуться с утверждением, что убийца еще на свободе. Нет, Эймори, только не говори мне, что ты поверила в эти ее дикие рассказы.

Я подумала о письме, которое Изабель получила от Брэдфорда Гленна. Зачем вообще ему понадобилось писать ей? Может, хотел очистить свое имя от грязи перед смертью? Но почему тогда Изабель потребовалось целых шесть лет, чтобы отреагировать на него и приступить к активным действиям?

Нет, здесь явно что-то не так. Если бы то действительно был несчастный случай, вряд ли гости так испугались слов мисс Ван Аллен – однако сегодня вечером страх и гнев определенно охватили всю компанию, стали ощущаться почти

физически. Страх был не беспочвенным, и их взволновала не только угроза скандала. Нет, эти люди хранили какие-то секреты и страшно не хотели их раскрывать, и смерть Эдвина Грина произошла вовсе не в результате несчастного случая.

Мне оставалось лишь надеяться, что Лаурель не застряла в этой паутине лжи, которую неустанно плетут остальные. Возможно, мне удастся помочь. Ведь как-никак, а у меня за спиной два успешно раскрытых дела.

Самая главная проблема в этом расследовании заключалась в том, что прошло слишком много времени. И что все участники и свидетели той драмы крайне неохотно вспоминают прошлое. Я также понимала: на разнящиеся отчеты о произошедшем той ночью сильно влияло личное восприятие, и воспоминания эти наверняка были очень искажены под воздействием алкоголя или наркотиков, а может – и того, и другого. Сколько они запомнили из того, что произошло, сколько небылиц могло возникнуть на основе их неполных отрывочных знаний и личностных предубеждений? Имелись также все основания полагать, что один или даже несколько из них лгали, чтобы защитить себя или друг друга. Сложная и путаная получалась картина.

Вероятно, самый оптимальный подход состоял в том, чтобы сравнить разные показания и посмотреть, какие аспекты этой драмы подтверждаются другими участниками. Есть также возможность порасспрашивать кого-то еще, кто тогда

находился здесь, наверно, слуг. Что ж, это задание можно поручить Винельде. А сама я уж как-нибудь найду предлог побеседовать с местным доктором. Может, он поведаст мне больше о смерти Эдвина Грина.

Я подняла голову и увидела, что Майло пристально на меня смотрит. Я вскинула брови и попыталась принять самый невинный вид.

– Ну что, затеваешь на свою голову новые неприятности? – спросил он. – Узнаю это выражение на лице, хорошо мне знакомое.

– Ничего подобного, – возразила я. – Ты понятия не имеешь, о чем я сейчас думала. Размышляла, стоит ли заказать новое платье из Парижа.

Майло покачал головой:

– Прекрасно знаю, с каким выражением ты размышляешь над заказом платьев из Парижа. И это совсем не то.

Меня раздражала его способность читать мои мысли... как книгу – лучшего сравнения, пожалуй, не подобрать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.